

попаданец

Андрей Никонов

БОЯРСКИЙ
ЭНДШИЛЬ

Попаданец (АСТ)

Андрей Никонов
Боярский эндшпиль

«Издательство АСТ»

2022

Никонов А.

Боярский эндшпиль / А. Никонов — «Издательство АСТ»,
2022 — (Попаданец (АСТ))

Марк Травин оказался в центре политических интриг, он находит своих предков и семейных врагов, ввязывается в династический брак и получает неожиданный подарок. А тут ещё загадочная карта показывает, где спрятан клад. Те, кто его найдёт, взамен больших денег могут приобрести большие проблемы, хотя для этого у Марка и так уже всё есть - магия, чёрный кот, верные спутники и преданный слуга.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Никонов

Боярский эндшпиль

Пролог

Шестеро мужчин осторожно поднимались по каменной полуразрушенной лестнице, один за другим. Лестница вела на верхний этаж башни, спиралью обходя резной мраморный столб. Внутри башни не было площадок, только самая нижняя, выложенная красными мраморными плитами, и верхняя, выходящая на единственное жилое помещение.

Перед этим группа преодолела густой лес, окружавший башню ровным, словно циркулем очерченным двухкилометровым кругом, ров с затхлой водой, обошла многочисленные ловушки и сигнальные барьеры. Шедший впереди воин высокого роста, в сером комбинезоне с вкладками по всей площади ткани, с широкими плечами, уверенно вел группу через препятствия. Оставалось только одно.

На уровне десяти метров лестница прервалась широким обвалом. Метра три в длину. При желании легко можно перепрыгнуть, но эта легкость заставила поднимающихся удвоить осторожность. Вперед выдвинулся тот, кто шел последним, изящный, даже в какой-то степени женоподобный юноша с правильными чертами лица и длинными белыми волосами, завязанными в хвост. Он присел возле края обрыва, потер ладони и прислонил их к камню.

Первые несколько секунд ничего не происходило, потом красная волна разлилась по месту слома, стекла вниз, на кучу камней, лежащих на широких мраморных плитах. Куча зашевелилась, задержалась, один из камней из самой ее середины выбрался наружу, словно живое существо, подпрыгнул, сначала невысоко, потом, с каждым разом, все выше и выше, пока не прилепился на то место, где стоял раньше.

Дело пошло быстрее, то один, то другой камень взлетал, презирая гравитацию, и вставал на свое место, колдуну лишь приходилось двигать руки все дальше, поднимаясь ступенька за ступенькой вверх. Остальные члены группы терпеливо ждали, когда лестница восстановится.

Наконец все камни встали на свои места, и шестерка продолжила подъем. Снова высокий занял место лидера, указывая товарищам, на какие ступени лучше не вставать. Ловушки шли сплошняком, иногда приходилось пробираться по самому краю лестницы, перил не было, расстояние между ступенями и центральной колонной было не меньше метра. Упасть никто не боялся, с такой высоты даже не слишком опытный воин упадет без каких-то серьезных повреждений, но знаки, нанесенные на столб, ярко светились синим, приближаться к ним не рекомендовалось даже сильным колдунам.

Наконец вся группа вышла на верхнюю площадку, деревянные балки, держащие пол, за несколько столетий ослабли и свободно ходили в пазах, доски прогибались под тяжестью человеческих тел. Единственная перегородка на площадке отделяла от общего пространства небольшой сегмент, тяжелая дубовая дверь с блестящими желтыми накладками светилась от наложенных, но так и не разрядившихся заклинаний.

Изящный юноша улыбнулся, знаком показал спутникам, чтобы те отошли подальше, и вытянул руки ладонями вверх. Как и в прошлый раз, несколько секунд потребовалось, чтобы заклинание проявилось, тонкая красная нить взметнулась вверх, к каменному потолку, проникла сквозь щели кладки, прошла по контуру, вырезая квадрат.

Часть кладки потолка рухнула, пробивая пол, оставляя зазубренные обломки досок, рассыпаясь камнями на несколько не поврежденном мраморном полу первого этажа. Один за другим пришельцы, высоко подпрыгнув, исчезали в проделанном проеме.

На крыше дул сильный ветер. Скрепленные специальным раствором и магией, камни держались, не пропуская осадки, но перед воздействием колдуна оказались бессильны. Тот очерчивал контур каждого камня, один из членов команды в это время стоял на одном колене, приложив ладони к вырезаемому блоку.

Прилипший к ладоням блок аккуратно извлекался и отправлялся вниз, к подножью башни. Слышался треск срабатываемых ловушек, виднелись вспышки, но приглушенно, словно башня стояла за несколько километров от окружавшей ее земли.

За несколько минут отверстие метр на метр было проделано, и пришельцы спустились в закрытое помещение. Практически пустое.

Только посреди комнаты на полу стоял небольшой, черного цвета ящик с открытой крышкой, отделанный изнутри красным бархатом. На ткани в ряд лежали семь золотых кругляшей с дыркой посередине. А вдоль ряда монет – черный клинок. Такой же, как я когда-то видел.

Пришельцы обступили ящик, высокий колдун чуть присел, вглядываясь в покрывающую пространство вокруг находки вязь заклинаний.

И тут за их спинами скрипнула дверь.

Глава 1

Я проснулся, выглянул в окно – темень, хоть глаз выколи, а ведь утро уже. Хоть и светает раньше с каждым днем, все равно на службу мне к семи, так что восхода солнца я сегодня не увижу. Но чего греха таить, выспался, еще бы не этот сон, и вообще все шикарно было бы.

Сны эти странные, нет бы что полезное приснилось, какая-то хрень уже третью ночь прямо под утро в голову лезет, и ведь в первый раз я конкретно испугался звука открывающейся двери, словно это со мной происходило, проснулся в холодном поту, а сейчас уже нет, буднично как-то. Подумаешь, шестеро любителей погулять по лесу пробрались сквозь какие-то заросли, увидели башню – классическую такую, с расширением наверху. На водонапорку похожа. Забрались наверх, повредили потолочное перекрытие, добрались до золотишка и орудия, и тут кто-то входит. Вот дальше сон ни в какую не шел, хотя все новые и новые детали я подмечал, сегодня, например, почти удалось разглядеть, что же это за кругляши такие, ведь на них что-то написано, на каждом – свое. И что интересно, если для каждого незваного гостя по монетке получается, как они делить последнюю будут? Может, распилят? Или подерутся – хотя, по мне, вот этого не надо, и так сон беспокойный. И еще, как ни пытался, не мог вспомнить лиц. Вот общие какие-то приметы помню, а детально описать – никак.

Так-то обычно мне сны редко снятся, а чтобы одно и то же, и несколько раз, такого не было. И людей-то я этих знать не знаю, и места для меня незнакомые, вот откуда берется все это, из каких глубин мозга, кто знает. Нет чтобы что-то приятное приснилось, про родную Землю, про студенческие годы, или как мы в Португалию ездили всем кагалом, шикарные бы сны вышли, так ведь нет, снится бред какой-то. Да еще с повторами.

Вылез из-под одеяла, шлепая босыми ногами по дубовому паркету, подошел к окну – свежевыпавший снег блестел в свете фонаря, отличная январская погода, не холодно до такой степени, что зубы сводит, но и оттепели нет, луж, грязи, всякой гадостью тут дороги не посыпают, экология на хорошем уровне. Да, чуть не забыл – поздравил себя с Новым годом, первое января как-никак. Первый новый год на другой стороне реальности.

Десять дней уже как переехал в стольный град Жилин. Коляды прошли, жизнь начала возвращаться в нормальное русло, правда, еще пару дней никто не работал, так что пришлось в гостинице пожить, даже пожалел, что так резко свернулся и уехал. Но подошел к концу Карачун, на улице сожгли какое-то чучело, хозяйка зарезала поросенка, намазала кровью криво прорезанные губы черному идолу, вынесенному во двор. Потом на обед того же поросенка с гречкой, укропом и запеченными перцами подала на стол, и мы его с удовольствием съели. На следующий день открылись лавки, свежие газеты с утра уже лежали в ящике в обеденном зале, так что найти жильё по объявлениям не составило труда.

Столичные издатели шли в ногу с неторопливым местным временем, выделили для таких целей отдельную газету, аж на шестнадцать полос третьего формата. Варианты подешевле или поудобнее были расположены далековато от будущего места службы, я искал или такой же флигель, или лучше отдельный дом, опыта проживания с соседями у меня здесь не было, и вообще я интроверт, люблю тишину и покой.

Шуша рядом не было со дня приезда в город, Кувалда забрал его к себе на воспитание, обещал вернуть через декаду совсем другим человеком, так что мне пришлось делать свой выбор единолично. Расстояние в километр-полтора до центра меня вполне устраивало, на повозке рукой подать, а если погода хорошая, быстрым шагом минут десять-пятнадцать пройти совсем не трудно. К тому же чем дальше живешь от места работы, тем больше вероятность, что придешь вовремя. Вот если она под боком, до последнего сидишь дома, потому

что твердо уверен, что не опоздаешь. А те, кому часа три добираться, выезжают за четыре и встречают тебя на рабочем месте с укоризненным выражением лица.

Ну три-четыре часа – перебор, а вот пятнадцать-двадцать минут в самый раз. Тем более что варианты ближе стоили каких-то уж совсем сумасшедших денег. Золотой в день за небольшой домишко с садом и открытой верандой. Три золотых опять же ежедневно за крыло небольшого боярского дворца. Пятьсот в месяц за сам дворец. И какой бюджет это выдержит? Не то чтобы денег жалко, а вот так выбрасывать ради каких-то понтов, которые мне по понятным причинам не нужны, кровно нажитые гульдены совершенно не хотелось.

Цены на варианты в четверти часа от центра, хотя и превышали кратно то, что я платил в Славгороде, чем-то чрезмерным не казались. Особенно после того, как я всю газету просмотрел и местный рынок недвижимости изучил – без помощи риелторов, которых тут отчего-то не было.

За десять золотых в месяц мне достался скромный двухэтажный домик, зажатый с двух сторон такими же строениями, с небольшим садом и площадкой для повозки перед крыльцом. Гостиная с подсобными помещениями внизу и две небольшие спальни наверху, у одной окна выходили в сад, а другая, с окнами на улицу, была переделана мной в кабинет – стоило мне об этом упомянуть, как кровать тут же убрали, а роскошный письменный стол поставили. Каждый этаж метров по пятьдесят квадратных, особо развернуться негде, но балы и приемы я устраивать все равно не собирался. Высокая черепичная крыша, чердак, заваленный каким-то хозяйским хламом, в гостиной – непременно камин. С внешней стороны дома лестница в подвал, на всю площадь первого этажа, там лежали дрова, какие-то железяки явно мирного происхождения, проходили медные трубы отопления и прочих удобств.

Хозяев я так и не увидел, управляющий в строгом малиновом камзоле и с печатью вечной занятости на лице принес договор, дождался, пока я хлопну по нему ладонью, забрал свой экземпляр, плату за первый месяц и обещал зайти на днях, объяснить слуге, что и как работает. Узнав, что слуги нет и еще какое-то время не предвидится, поморщился, словно что-то кислое сожрал, и показал все мне. За несколько золотых я договорился с ним, что в подвале все приберут, хлам выкинут, отгородят каморку и поставят там кое-какую мебель, все-таки вдруг мой блудный слуга решит за барином поухаживать, будет ему место отдохнуть от праведных трудов.

В отличие от флигеля Куровых, этот дом отапливался централизованно, горячая вода подавалась на весь Соломенный переулок, что создавало некоторые неудобства – если у соседей не было воды, то и у меня тоже, но такое, по заверениям управляющего, случалось редко и в основном летом. Все десять домов по нечетной стороне сдавались одним домовладельцем, десять домов по четной – другим.

Благодаря такой конкуренции я и выбил скидку, с двенадцати до десяти золотых с полным обслуживанием, вплоть до приготовленных заранее дров для камина, стирки с глажкой, уборки снега перед домом и стрижки кустов и деревьев. А если доживу тут до осени, обещались и сбор урожая с яблонь сами организовать. Насчет того, будут ли они за меня эти яблоки есть – не спросил, до осени не рассчитывал тут оставаться, в захолустье этом.

На углу улицы стоял трактир, довольно приличный внутри и не очень дорогой. Он принадлежал «чужому» домовладельцу, проживающим по четной стороне полагался подарок. Бесплатная кружка пива раз в день. Пиво было отвратное, горчило и пенилось плохо, что как раз и определило мой выбор.

Я хотел было отказаться от половины предложенных услуг, Шушу чем-то надо заниматься, разжиреет на дармовых харчах, ничего не делая, но нет, все опции уже были включены в стоимость, и ради меня этот порядок отменять не собирались. Так что на ближайший месяц, а скорее всего – на полгода этот дом стал моим пристанищем.

Не сказать, что рождественские каникулы я провел без всякого толка. Хотя такие попытки были, но пересилил себя. И зря – особых результатов не достиг. Обещанный допуск в библиотеку я так и не получил, Росошьев где-то пропал, а без его ведома никто не решался пустить меня в хранилище знаний. Даже сам библиотекарь, облизываясь на пять золотых ассигнациями – что не сделаешь ради хороших отношений в дальнейшем, только руками разводил, мол, без прямого указания никак, даже вынести ничего нельзя. Вот как выдаст боярин разрешение, да будет пластина на стойке реагировать на мое серебряное колечко, так он в лепешку расшибется, чтобы мне услужить, а пока никак. Такие правила. Пятерку пришлось отдать, уж очень возбудился книжный червь на деньги.

Город Жилин от Славгорода отличался в основном ценами и княжьем дворцом в центре. Обнесенный красной кирпичной стеной, облицованный белым мрамором дворец в римском стиле издали выглядел богато – портики, анфилады, статуи на крыше, позолота и фонтаны.

Вблизи рассмотреть не удалось, на вопрос, какое к князю у меня конкретное дело, я ответить не смог, а мои объяснения насчет культурной программы поняты не были, тут в диковинку экскурсии были. Любовался издали.

Центральная часть города была занята домами местной знати. Совсем уж местные, которые похудороднее, жили тут постоянно, а те, что познатнее, держали здесь вариант летнего дома, появляясь изредка, основная светская жизнь шла даже не в Северске – в Смоленске, хотя оба княжества и были великими. Но превосходство смоленской земли чувствовалось во всем, и в лавках, принадлежащих в основном смоленским торговцам, и в культурных центрах – театре и цирке, где приезд смоленской труппы сразу же собирал аншлаг. У них даже свой автор был, писал какие-то совсем неинтересные пьесы, публика морщилась, но патриотично скупала все билеты. На мой взгляд, напрасно, местный театр удобными сиденьями не обладал, и нормально выспаться даже в ложе не получалось, тут славгородский с его мягкими подушками был вне конкуренции.

Так что, если в Славгороде Драгошич убеждал меня, что северский князь получше смоленского будет, здесь наглядно демонстрировалось, чья на самом деле это земля.

Ко всему единственная дочь нынешнего князя Северского была замужем за вторым сыном смоленского князя, и их старший сын должен был занять престол великого княжества, родство с соседним государством было не то что близкое – роднее некуда. Если бы не поместная хартия пятисотлетней давности, давно бы уже два княжества объединились. А так нет, попробуй, и сразу из Ростова, Новгорода, Рязани и Чердыни двинутся стройные ряды воинов и нестройные – колдунов. Или не двинутся, народ обленился, с одной стороны, риска меньше, а с другой, и рисковать никто не хочет. Но послы вышлют и слово грозное скажут.

Один из трех университетов, где учили колдунов на опять же колдунов, только дипломированных, находился именно в Смоленске, так что тамошний князь снимал сливки с одаренного контингента соседних княжеств. Вот куда бы я отправился с удовольствием, как говорил один лысый картавый товарищ – «Учиться, учиться и еще раз учиться лучше, чем работать, работать и еще раз работать». Но нет, кабальный контракт был подписан, рабское колечко надето, и я снова буду работать в офисе, как в первые годы после института. Дресс-код, обеденный перерыв, больничный лист и премия в конце квартала, до которой я не дотяну.

На днях ко мне завалился сурок Фил, принес вручную написанный на роскошном листе шелковой бумаги экземпляр распорядка дня. На службе полагалось быть в семь утра, опоздание каралось штрафами из жалованья, которого у меня не было, так что с этим пунктом я был полностью согласен, дисциплина превыше всего. Форма одежды – свободная, обязательно черный камзол, штаны строгого покроя и короткие сапоги или ботинки на шнуровке. Оружие можно было выбрать в канцелярии, я легкомысленно отказался, понадеявшись на собственные запасы. Всех слуг, которые на момент принятия договора были в закупе, полагалось передать

на княжеский кошт, с тем чтобы сотрудники не тратили понапрасну жалованье на всяких дармоедов, а их слуги – были под присмотром.

Тут я понял, что сплеховал с вольной, можно было вот так Шуша сплавить, а теперь он будет дома сидеть по вечерам и вздыхать о неразделенной любви. Рыжая малолетка дала парню от ворот поворот, явно не без участия своей матери и тетки. Я уж Кувалду озадачил, чтобы он своему родственнику какую-нибудь девку подсунул в приятные собеседницы. Тот обещал, но что-то меня терзают смутные сомнения, что с этим верным товарищем что-то получится, Клавдий был человеком семейным, и порывы молодости не одобрял.

Соседские дома под номерами 11 и 15 были пусты, можно было бы туда слугу заселить, но слишком жирно будет для такого тюфяка, пусть в подвале поживет, возле труб и дровишек. Там всегда тепло, гудение водопровода настраивает на философский лад, а бултыхание дерьма в канализации напоминает о бренности бытия, так что подкидышу понравится.

Утро нового года встретило меня завтраком из соседнего трактира, заботливо сервированном прямо в гостиной, стоило выйти на улицу – прохладой, повозка завелась с пол-оборота, чего там, прогреть не надо, аккумулятор от погодных условий не зависит, амулет на воротах, настроенный на нового арендатора, распахнул створки, выпуская меня в первый рабочий вторник. Вот только к добру или нет, но, когда я выезжал со двора, туда прямо наперерез повозке прошмыгнул черный кот.

Глава 2

На работу я привычно опоздал. Не по своей вине, тяжелая подвода с продуктами перекрыла дорогу у трактира, и пока я ходил, орал на извозчика, бил ногой по сломанной оси, сломал вторую в назидание и пригрозил сжечь трактир, для демонстрации серьезности намерений запалив сложенные в камине дрова и получив от трактирщика огромный бутерброд с окороком и солеными огурчиками в качестве компенсации, время утекло. Пришлось объезжать с другого конца переулка, и выверенное пробной поездкой расчетное время не совпало с фактическим.

Во двор княжьей канцелярии я въехал ровно в десять минут восьмого. Стражники с бердышами наголо, стоявшие на крыльце, укоризненно посмотрели на меня, но ничего не сказали. Зато не стал молчать один из ларца, доставший лист бумаги и что-то там черкнувший.

– Штраф половина дневного содержания, – веско сказал он, скрипя пером.

– В задницу себе его засунь, – посоветовал я. Боярина, по словам Фила, не будет еще дня три, они там что-то с красной пылью не могут разобраться, видимо, делят, кому сколько достанется. Так что торопился скорее для приличия, первый день все-таки, это потом, как я надеялся, можно будет к обеду приезжать и после него – обратно.

Паулюс или Прокулос, не знаю, кто именно, эти двое были похожи до неприличия, оскорбление стерпел, только махнул пером в сторону кабинета, мол, ждут. Интересно, кто это там прохладается в хозяйской комнате, пока все честные чиновники ведут войну с силами тьмы.

Место боярина пустовало, а вот по правой руке, там, где в прошлый раз Фоминский сидел, примостился какой-то невзрачный человечек, ростом мне по плечо, толстенький, в очках и сером камзоле, заляпанном бурыми пятнами. Увидев меня, человечек вскочил, подбежал, затряс руку и предложил садиться.

Что-то нехорошие предчувствия у меня появились, так обычных сотрудников не встречают.

– Вы – Марк Львович Травин, – радостно сообщил мне собеседник.

– Да, – признался я, – простите, а вот вашего имени-отчества не знаю.

– Ну, это не секрет, – человечек весь лучился радостью и добродушием, прям как маленькое солнце сиял. Причем не в переносном смысле, давить на мой разум он начал сразу, как только я вошел, а сейчас так даже щит пришлось поставить дополнительный, и ведь еще немного, может продавить, гад.

– Я – Менелай Феоктистович Розумовский, ваш, так сказать, начальник.

– Очень приятно, Менелай Феоктистович, – поморщился я. Голова начинала болеть, и обезболивание не помогало, верный признак, что магическое давление потихоньку проникало сквозь рубежи моей обороны.

– Очень, очень рад, что мы будем работать вместе, – продолжал умиляться Менелай. В этой канцелярии колдуны как на подбор довольно сильные, судя по плотности линий, мой новый знакомый помощнее ан Трага, бывшего учителя моего, будет.

– А уж как я рад, до безумия. Менелай Феоктистович, вот то, что вы сейчас делаете, это обязательно?

– Угу, – радостно согласился тот, резким ментальным ударом отправляя меня в нокаут под какое-то сообщение внезапно проснувшегося модуля.

Очнулся я от воды, льющейся мне на лицо, и осторожных похлопываний по щекам. Приоткрыл глаза.

Я лежал на полу в том же кабинете, а рядом стояли мой новый знакомый и близнец из приемной.

– Больше не делай так, – все тем же добродушным тоном выговаривал Менелай, – ежели человек без сознания, по ребрам и почкам его бить бесполезно. Да еще с такой силой, будто ты не помогал ему, а наоборот, навредить пытался. Аккуратно надо, видишь, у человека магический удар, в этот момент все нервные окончания заблокированы, боли он не чувствует. Твоя задача как спасателя – быть рядом, и едва тот очнется, помочь сориентироваться в пространстве и времени. Вот водичкой можно, очень хорошо помогает, особенно холодная. Кипяток-то на место поставь, пригодится еще. И вот по щекам можно похлопать, отлично разгоняет кровь, и от морщин заодно помогает.

Близнец отвел руку, намереваясь хлопнуть меня кулаком по щеке.

– Я сам, – я поднял голову, бодро вскочил.

– Ну вот видишь, Прокулюс, – человечек аж руками всплеснул, – что я тебе все время твержу. Лаской надо и хорошим отношением, и люди сразу в себя приходят. А покалечить или убить мы всегда успеем. Как вы, Марк Львович?

– Все отлично, Менелай Феоктистович. Вот только на секунду сознание потерял, видимо не выспался, так-то привык позже вставать, видимо спазм сосудов случился.

– Приятно. Приятно встретить образованного человека, – Менелай жестом руки показал Прошке на выход, того как ветром сдуло. – Вот только не секунда прошла, уже второй час. Но это ничего, времени у нас много, садитесь.

Я взгромоздился на стул, человечек обошел стол и остался стоять.

– Странные дела у нас творятся, Марк Львович. Вдруг из ниоткуда появляется человечек, вроде бы не знатный с виду, но и не крестьянин. И не воин. Мозолей на руках нет, к физическому труду непривычен, одно слово – колдун. Не гений, но и не тупица. И есть у него прелюбопытная способность – уж очень хорошо колдовские линии видит, даже такие, что магический прибор засечь не может. Но это ладно, такое у многих случается, кто-то хуже видит, кто-то лучше. Я вот вообще в очках хожу, как думаете, почему?

– Для солидности, – предположил я.

– В точку. Зрение-то исправить любой лекарь одаренный может. А вот колдовское зрение – тут нет, выкуси. Врожденное это. Передается только по отцовской линии, так что вы завидный жених, как узнают тут местные кумушки, сразу с невестами к вам в очередь выстроятся, дар-то редкий. И ладно бы только это, так еще у этого очень молодого человека обнаруживается другая способность – разум он свой блокирует. И пусть бы с помощью закладки какой или амулета, так ведь нет – осознанно, да так, что я, не самый последний разумник, продавить этот блок не смог. Объяснить не изволите?

– Так тоже врожденное, – пожал я плечами. – От прадеда моего, Сергея Олеговича Травина. Он известным разумником был, вот мне и передалось. Говорят, я вообще на него похож, как две капли воды. Одно лицо. Не отличить.

И перстень родовой выставил напоказ.

– Ну да, ну да, – человечек стоял, покачиваясь с пятки на носок, и всем своим видом показывал, что он мне верит. Как родному.

– Послушайте, Менелай Феоктистович, – я улыбнулся, – я ведь этого места не просил, и на службу не набивался. Если у вас есть сомнения, вы их боярину Росошьеву скажите, только на вашей стороне буду. Мне, знаете ли, в шесть утра каждый день вставать тоже особой радости нет, да еще к этому на съемных квартирах жить, в трактирах питаться, гастриты с невротами наживать. У меня вот дом образовался на Смоленщине, туда перееду. Или вообще, вернусь-ка я к себе в Пограничье. Там леса, поля, воздух свежий, а какие там шуки в озерах водятся, руками и не показать, не отросли еще такие руки. А лоси какие в лесах, а куропатки – жирные, еле летают, каждая по два кило весом. Одним выстрелом сразу пятерых можно снять, они, подлецы, сами под заряды выстраиваются, чтобы охотнику поудобнее было.

– Так уж и пятерых, – Менелай недоверчиво посмотрел на меня.

– Если повезет. А грибы, ягоды. Идешь, и сами под ноги бросаются, или сразу в корзинку.
– Прямо самому туда захотелось, – вздохнул человек. – Но нельзя, служба. Ладно, Марк Львович, раз уж Фоминские вас признали, да амулет родовой тоже, примем за данность, что вы действительно Травин. Как колечко серебряное, не жмет?

– В самый раз, – заверил я его. – Ношу не снимая.

– Часто пробуете?

– Да сначала часто, а сейчас уже и не пытаюсь.

– Тут вы молодец. Некоторые, знаете ли, пальцы отрубали, но без толку это, на другой палец кольцо перекидывается. А вот отрубленный палец уже не отрастает сам, хотя, казалось бы, процедура пустяшная, вон Мирон такие не глядя делает. Да головой не качайте, не запугиваю я вас. Просто хочу, чтобы понимали, эти полгода следящий амулет будет на вашей руке.

– Он не подсматривающий? – уточнил я.

Менелай задумался, потом тряхнул головой.

– Идея хорошая. Вот как это сделать, пока не знаю, но тут сложности есть, подслушивающий проще будет сотворить. Как думаете?

Я вместо ответа окружил кольцо щитом.

– Да, – вздохнул собеседник, – это очевидное решение. Другое дело, что вот так никто не будет все время ходить, с простыми людьми сработает, а с вами, колдунами, вечно какие-то проблемы. Ладно, перейдем к рабочей части. Я – стольник княжьей канцелярии.

И поклонился. После ответного поклона продолжил:

– С этого дня ваш непосредственный начальник. Вы, Марк Львович, служите в княжьей канцелярии, как думаете, чем она занимается?

Я только руками развел.

– Надзором, – не стал тянуть кога за яйца стольник, – мы следим, чтобы приказы свою работу выполняли, лишнего себе не позволяли, но и от обязанностей тоже не отлынивали. Это с одной стороны. А с другой, если есть угроза княжеству, или самому князю, все расследования идут через нас. Тут уже ни один приказ нам не указ.

И сам улыбнулся, как удачно скаламбурил.

– Выходит, – осторожно предположил я, – что все, что князь считает своим делом или делом княжества, переходит в ведение канцелярии?

– Отлично. Именно так. А княжество у нас маленькое, удельное, и так получается, что князю до всего дело есть. Вот склад, на котором красную пыль нашли. Вроде бы дело торгового приказа, контрабанда ведь, и колдовского, раз там волшба проклятая творилась. И сыского, трупы-то никуда не делись. А все равно приходится нам следить, чтобы розыск в правильном направлении шел, в нужном. Так что на любое значимое дело обязательно от нашей службы кто-то выезжает. Вот этим вам и придется заниматься, в силу ваших возможностей. Опыта нет? Не страшно, зато взгляд свежий, не замыленный. К тому же одного, Марк Львович, вас никто отпускать не собирается, не тот вы спец, чтобы в одиночку клубки распутывать. Где ваша способность нужна будет, там и понадобятся. Не обижаются?

– На что? – пожал я плечами. – Колдун я, как вы правильно сказали, так себе, опыта мало, только что вот ловушки хорошо вижу.

– Ну и славно. А какой вы колдун, мы проверим, благо время есть. Боярин Росошьев не раньше Турицы вернется, до Интры народ сонный, пакостить не торопится, дел у нас будет мало. Так что две с половиной недели у вас есть в запасе. Идите сейчас к нашему умельцу, я и сам, знаете, иногда, если что не ясно по колдовским делам, к нему иду, так что и вам не зазорно у Силы Грановича поучиться. Заодно он и проверит, что там с вашими способностями да умениями. Что-то спросить хотите?

– Да, – кивнул я. – Есть два вопроса. Первый – Лаврентий Некрасович грозились в библиотеку местную допускать.

– Верно, – Менелай кивнул. – Модест Всеславич заходил, справлялся о вас. Я уж ему объяснил, что вы человек новый, порядков не знаете. А то надо же, пятью гривнами старика обеспокоили. Дам совет, как в следующий раз пойдете, еще двадцаточку золотом накиньте, и будет в самый раз. Книги – дело дорогое, в пересчете на полгода не так уж и много выйдет.

– Хорошо.

Надо же, а таким скромником этот библиотекарь казался.

– А второе что?

– Штраф на меня наложили, половину дневного содержания.

– И что такого? – удивился стольник.

– Так ведь за просто так работаю, нет у меня содержания.

– И вправду, – Менелай задумался. – Но наказать как-то надо. Вот что сделаем. Как первый трофей возьмете, так и отдадите половину дневного жалованья. Вы у нас кто? Подьячий. А раз подьячий, значит половину золотого и взыщем. А теперь идите уже, идите, все остальные вопросы – потом.

За дверью Прокулос все так же шкрябал что-то на листе бумаги, нарочито меня не замечая. У двери на табурете дремал стражник.

Проходя мимо него, я случайно задел ногой его алебарду, и она почти уже упала на пол.

Стражник вскочил, подхватил оружие и вытянулся во фрунт.

– Виноват, ваше благородие.

– Ты, братец, поаккуратнее, – я приблизился к нему, ткнул пальцем в стальное кольцо на его руке. – Ты знаешь, что это колечко все твои действия записывать может, как ты спишь, например, или вдруг начальство ругаешь словом нехорошим?

– Да что вы, барин, никогда такого не было. А что, правда записывает?

– Пока нет, – доверительно сообщил ему. – Но планы такие насчет них уже есть.

– И кто же этот... умный человек, который такое придумал? – стражник грозно встопорщил усы.

Я ни слова не говоря, кивнул головой на писаря, который, старательно не глядя на нас, грел уши, похлопал стражника по плечу и пошел дальше по коридору.

По дороге встретил Кувалду. Тот куда-то волок грустного осунувшегося Шуша, парень, увидев меня, аж в лице поменялся, проявилось в нем что-то такое, ну вот как щечок пожрать просит.

– Домой хочешь, – сказал я Шушу, поздоровавшись с его родственником.

– Нет, что вы, барин, – вздохнул парень. – Тут хорошо, кормят на завтрак вдоволь, дозволяют спать до пяти утра, занимаются по двенадцать часов в день, тренируют до седьмого пота. Словно в чудесную страну попал, где кисельные берега.

– Смотри. Если захочешь, можешь домой.

– А можно? – Шуш аж взвился.

– Нет, – вбил гвоздь в гроб его надежды Кувалда. – Не готов ты еще, салага. Если барин дозволит, до Интры тебя здесь подержу. Ведь можно, да, барин?

– Можно, – согласился я. – Разве ж я изверг, Шуш, тебя из такой жизни выдергивать. И не благодари, некогда мне. Надо какого-то Сила Гирьевича найти.

– Силу Грановича? – уточнил Кувалда. – Так это, барин, тебе во двор надо выйти, и в соседнюю постройку, что слева, там на первом этаже и найдешь. Видел я сегодня колдуна нашего, он что-то не в духе. Так что ты, барин, особо на рожон не лезь, а то вон Шушу придется нового хозяина искать.

Строго наказав Шушу, чтобы даже и не надеялся, я вышел на улицу. Девять утра, солнце уже висело низко над горизонтом, по-зимнему освещая, но не грея. Запахнул куртку, поискал

глазами вход в соседнее помещение. Канцелярия была выстроена в виде квадрата с внутренним двором, так что технически это было одно четырехэтажное здание. Внутренних подъездов было четыре. Мой, получается, левый.

Стражник отсалютовал мне бердышом, почему-то посмотрел на свое кольцо. Просто так, наверное, слухи настолько быстро разойтись не могут.

Подъездная дверь вела в просторное помещение, где-то пять на десять метров. Справа от меня стояли шкафы, уставленные какими-то склянками, а слева стоял большой стол, за которым худощавый молодой человек с пепельно-черными волосами сосредоточенно что-то ел.

– Простите, – я постучал по распахнутой двери, – где мне Силу Грановича найти?

– Я это, – не прекращая жевать, местный колдун вытер жирные руки о салфетку и приложился к большому кубку. – Чего надо? А, знаю. Ты новенький, да? Марк Травин, подьячий.

– Так точно.

– Проходи, садись, – он кивнул на стул, стоящий чуть в стороне. – И зови меня по-простому – Сила, ни к чему все эти расшаркивания. Удобно? Ну и отлично. На заклинания мы твои потом посмотрим, это в подвал идти надо, тут сам видишь, мебель дорогая и вообще чисто. А пока что-нибудь сотвори. Вот светлый шар, например. Умеешь?

Я зажег над ладонью светляка, Сила пригляделся, удовлетворенно кивнул.

– Ага, ясно. Пятый круг, посередке где-то.

– Это хорошо? – осторожно поинтересовался я.

– Ну как сказать, – Сила ухватил пирожок, откусил аккуратно, не давая клубничной начинке стечь на подбородок, – ты сам-то откуда?

– Из Пограничья.

– А, тогда понятно. Натуральное деревенское образование, без всяких городских премудростей, ближайшая школа в ста верстах, из колдунов только волхв местный голышом через костер прыгает, для большинства людей этого вполне достаточно. Но мало. Так вот, есть шесть кругов, чем меньше круг по номеру, тем сильнее колдун. Шестой – самый никчемный, там знахари всякие деревенские, ведьмы недоученные, сельские ведуны, которые только и могут, что очаг развести с помощью амулета или бородавку свести. Их даже не учит никто, без толку. Даже в обычных семьях такие рождаются иногда, хоть и редко. А вот с пятого круга истинные одаренные идут, обычно из старой семьи, потому как порода и происхождение. Если вдруг такой у обычных родителей появляется, прямая дорога ему в какой-нибудь род, просто так в покое не оставят. Как дар обнаружился, ставят на учет, и хочет он, или не хочет, а в нужную семью рано или поздно попадет.

– Что, прям так и забирают у папки с мамкой?

– Ну потенциал-то только годам к двадцати раскрывается полностью, так что и забирать не надо – сами бегут вприпрыжку, про старую семью и не вспоминают.

– И что, сильно эти круги друг от друга отличаются?

– Если по запасу сил, то в три-пять раз различие между каждым кругом, ну и внутри тоже есть своя градация. Но это все так, для сравнения, чистая сила, она не главный показатель, умение гораздо важнее. Я вот с тем же расходом сил заклинание могу создать в десять, а то и пятнадцать раз мощнее, чем ты, а представь, что будет, если я и силы вложу больше. С пятого круга потому и учат, что потенциал для развития есть. Ну а шестой круг учить, только время зря терять, не чувствуют они магии и скорее всего никогда не почувствуют, по шаблонам могут еще что-то сделать, но это как слепому картины рисовать. Ты линии видишь?

– Да, – кивнул я. – Светящиеся такие.

– Ну вот, с тобой можно что-то сделать. Увидел, считай, уже в пятом круге, дальше только ядро развивать да опыта набираться.

– Сила, а ты сам в каком круге?

– В третьем, – спокойно сказал колдун. – И надеюсь когда-нибудь во второй перейти. Все время тренируюсь, еще шестьдесят лет назад вот таким же как ты был, может послабее даже. Но это от семейных особенностей зависит. У нас вообще в семье парни рождаются в основном на пятом круге. А потом набирают силу, годам к семидесяти минимум четвертый. А в других семьях есть такие, кто в четвертом родился, в нем же и помер.

– А девочки?

– Что девочки?

– Ты сказал – парни рождаются. А колдуний нет?

– Почти нет, – вздохнул Сила. – Редко кто пятого, чаще в шестом остаются. А то и вовсе бездари, думаю, может проклял кто нас. Ну да ладно, пять минут подожди, доем, и пойдем. Сам-то не голоден?

– Нет, я успел позавтракать.

– Ну и ладно, а я вот вчера набрался, как домой принесли, не помню, сегодня еле встал. Хорошо хоть подлечил себя. У тебя как с этим?

– Царапину могу. Или рану какую несложную.

– И то хлеб. Кого там принесло?

Шум у двери перерастал в перепалку.

– Не велено пускать, – бубнил стражник на чьи-то обещания грозных кар и проклятий.

– Эй, Горян, да кто там?

– Племянница ваша, – в дверной проем заглянул стражник, – что хочет, не говорит. Только грозитя убить, а потом на клочки порвать и замучить до смерти.

– Это она может, – кивнул Сила. – Впускай.

В помещение подобно молнии ворвалась девушка, не обращая на меня внимания, подскочила к столу, уперла руки в бока.

– Дядя, что это значит, почему этот урод меня не пускает?

– Он на службе, что сказали, то и делает, – спокойно парировал Сила, ковыряясь зубочисткой во рту. – Денег больше не дам, если за ними пришла. Кстати, познакомься, наш новый подьячий, Марк Львович Травин. А это, Марк, моя племянница Милана Борковна Белосельская.

Девушка повернулась ко мне.

– Привет, Мила, – кивнул я ей. – Давно не виделись.

Глава 3

Учиться надо у лучших. Все так говорят – на тренингах по межмировому оптимизму, в блогах, или советы когда дают. Может, Сила и не был лучшим, но определенно не худшим учителем. После того, как я продемонстрировал ему весь свой нехитрый арсенал, он со вздохом констатировал, что этого мало для настоящего колдуна, и попытался научить меня некоторым очень нужным заклинаниям.

Например – как изменять температуру предмета. Иначе как электрическим воздействием я это сделать не мог, и то в сторону повышения, и это еще если предмет попадет металлический. А вот понизить – это было уже за гранью моих возможностей.

И схемка-то легкая, кубик с тремя символами на гранях – для охлаждения, нагрева и уровня воздействия. Первый раз я увидел, как заклинание можно масштабировать, до этого просто выбирал уровень через модуль, и все. Оказывается, это все в схеме есть. Ценность ан Трага как преподавателя в моих глазах сильно упала. А Силы – возросла, потому как я понял все, что он объяснил.

Предмет, заключенный в конструкцию, температуру изменял практически мгновенно, от уровня колдуна это не зависело. А вот объем, на который можно было воздействовать, зависел. На моих глазах Сила охладил кувшин с пивом, потом подогрел несколько колбасок, и мы все это продегустировали, чтобы наглядно оценить пользу магии.

Ученик попался колдуну не то что тупой – просто необучаемый. Модуль в моей голове упрямо сопротивлялся новым знаниям, предлагая сначала достичь первого уровня, а потом уже заниматься всякой второстепенной фигней. Но схему запомнил и куда-то там записал.

– Ничего не понимаю, – в сердцах грохнул стаканом об стол Сила. – Полчаса бьемся, и ни в какую. Слово блок у тебя поставлен. Так, погоди, вот в чем дело. Блок. Ты ведь порталом сюда попал?

– Ну да, – подтвердил я. – Два месяца как.

– А сам когда-нибудь порталы ставил? Нет, чего я там спрашиваю, с пятым-то уровнем. Тебя в него впихнули? Еще кандалы на тебя надевали? Ну понятно тогда, – не дожидаясь развернутых ответов, Сила быстро нашел корень проблемы. – Темнишь ты, парень. Скорее всего, скачок какой-то был, сила в нашем организме, она везде разлита, словно кровеносные сосуды, и иногда вдруг раз, и увеличивается, а сосудики-то прежние остаются, крови колдовской деваться некуда, вот и распирает она их постепенно, от этого все проблемы твои. Ладно, если есть блок, я трогать не буду, себе дороже. Потом отскребай твои мозги от пола, а уборщики меня и так не любят. Считают, что я мешаю им захватить мир.

– Так что с блоком? – осторожно поинтересовался я.

– Рассосется, – уверенно ответил колдун. – Нам, одаренным, все нипочем. У меня бы недели три продержался, может чуть больше, у тебя, судя по той ледышке, которую ты сейчас сделал, еще несколько месяцев стоять будет, но не факт, так что чаще практикуйся. Это как атлетика для бездарностей, качаешь мышцу, она растет. Но забивается. И нужен перерыв, чтобы рост продолжался. Так и тут. Видать, был у тебя прорыв, может с шестого уровня на пятый прыгнул, или внутри круга ядро выросло в несколько раз, бывает такое в самом начале. Или может какое умение активировалось, вот и стоит блок. Потом снимется, и совершенствуйся дальше. А пока учи теорию, это всегда помогает. И ешь-пей себе в удовольствие.

– Тоже помогает? – поинтересовался я.

– Нет, но не все же для пользы делать. Надо кое-что и для себя. Кстати, что у тебя с племянницей моей? Я тебе, конечно, благодарен, что она как тебя увидела, сбежала сразу, но сам понимаешь, семейные дела в конечном счете и меня задеть могут.

– Ничего личного, – успокоил я Силу. – Мы просто не любим друг друга.

– Ну да, это заметно, – с сомнением протянул тот. – Ладно, Марк, уровень я твой понял, Менелаю доложу. Ты если вопросы будут, подходи, пусть даже не можешь повторить, знания – они останутся. Три золотых за час занятий тебя не разорят?

– Для любимого учителя ничего не жалко, – легко согласился я с потерей очередной порции денег.

– Ну так уж и любимого, – зарделся Сила. – Ты меня перехваливаешь. И совершенно напрасно, скидку все равно не сделаю.

Я пожал плечами. Попытаться все равно стоило.

Колдун велел вытянуть руку, дотронулся своим кольцом, золотым, между прочим, до моей серебряной бижутерии, мол, доступ в зал для занятий открыт теперь, содрал за это десять медвежьих гривен ассигнацией и выпроводил меня с глаз долой.

Вот это я понимаю – работа. Первый день вышел – и уже сорок золотых считай заплатил. Надо будет поподробнее узнать, что там за трофеи такие, о которых Розумовский говорил. Если судить по разговорам Филадельфия, они тут как сыр в масле катаются, пусть даже ведут себя скромно, одеваются как мещане, и вообще впечатления богатых ребят не производят. Вот даже по повозкам сужу, моя тут самая дорогая, хотя на вид так себе. Не «ламборгини». Телега и есть телега, пусть даже и карета самодвижущаяся.

Прикинул финансы – пока молчат, не поют, денег осталось больше тысячи, да еще вот обещают золотые горы, трофеи несметные. Так что экономить нет причин, зашел в одну неприметную дверцу в западном крыле, низко поклонился знакомому дедку.

– Давай, – дедок, не здороваясь, протянул ладонь, куда я положил четыре ассигнации по пять медведей. – Вот и молодец. Теперь читай, сколько хочешь. Подвал большой, книжек много, авось поумнеешь.

– Я так понимаю, за то, чтобы книгу найти, тоже надо платить?

Модест Всеславич расхохотался. Несмотря на преклонный возраст, смеялся он задорно и очень даже не по-старчески.

– Ладно, если бы спорить начал, заплатил. А раз пришел, поклонился, деньги без звука отдал – помогу тебе. Только учти, тут свои правила. Первое – книгу больше чем на три дня с собой не брать. Забыл отдать, плати штраф. Какой – ты уже знаешь. Второе – есть книги, которые выносить нельзя, проходишь в каморку, сидишь, читаешь там. Хмельного при этом не пить, хотя ты же колдун, тебе без толку. И правило третье – на руках только одна книга. Дома или здесь – без разницы. Хочешь читать здесь – приносишь то, что уже взял. Хочешь дома – тут не читаешь. Понятно?

Я кивнул. Про жирные руки и запрет выдирать страницы старик ничего не сказал.

– Ну и книги чтобы не пачкать, – прищурился Модест Всеславич, словно прочитав мои мысли. – И не портить. И вообще, правила тем, что я сказал, не исчерпываются. Веди себя прилично – и ходи сюда. Или...

– Да понял я.

– Ну и молодец. С чего начнешь?

Я задумался.

С одной стороны, в этом мире для меня было много неясного – почему Рюриковичи были, а христианство – нет, хотя оно появилось-то пораньше этих самых пришлых варягов. И почему вот так мир образовался. Значит, история. А с другой стороны, ну это только ради любопытства, множественные и частью магические реальности подразумевали как бы вариативность исторических событий, тут что ни предположи, хоть где-то, да сбудется. Так что исторические хроники можно отложить на потом.

Магия. Тут тоже были сложности. Как сказал родственник Милы, ждать мне еще какое-то время, пока я не смогу что-то новое изучить. И я даже знаю, сколько – почти восемь лет.

Теорию-то я подучу, но вот применять пока все равно не смогу. Хотя вдруг и смогу? Так что магией стоит заняться, хотя бы для общего развития.

И самое главное – как мне попасть обратно? Вот не хочу тут столько времени сидеть, не нравится мне этот мир, какой-то он несовременный. Вроде и двадцать первый век на дворе, а народу немного, князья кучкуются между какой-то неосвоенной территорией и Империей, причем на первый взгляд все тихо и гладко, а вот стоит копнуть, наверняка столько дерьма полезет, что утонешь. Да и весь этот уклад старый, как с лубка писанный, не очень как-то. Люди-то такие же, поставь вместо дьяка-дознателя прокурора нашего, а вместо городского головы – нашего же мэра, и какая разница? Вся эта возня вокруг денег и власти на родной Земле меня не очень привлекала, хотя возможности были – и дядя Толя предлагал, и на сестре Милославского мог жениться, а там к тестю под крыло, или вон Уфимцева с ее влиятельной родней замуж просилась. Но нет, лучше я сам по себе. Тем более что Светка, так уж получилось, вышла за отца Кати, чуть было тещей моей не стала. Ладно, что вспоминать, дело прошлое, а вот синяя смерть, как ее тут называют – настоящее. И перспективное для меня.

– А есть ли у вас, Модест Всеславич, что-нибудь о синей смерти?

Очнулся я, сидя в кресле. Хитром таком, попробовал пошевелиться – не смог. Смахнул мысленно сообщения о попытке проникновения в мой слабый разум, что за день сегодня такой, все пытаются в голову мою бедную залезть. Поднял глаза – на стуле передо мной сидел дедок, по-хипповому так сидел, развернув стул спинкой вперед, положив руки на спинку, а голову – на руки. И внимательно на меня смотрел.

– Очнулся, болезный?

Я кивнул.

– Не соврал Менелай, и вправду защита у тебя стоит знатная. Так что не заставляй уж меня плохими делами на старости лет заниматься, расскажи сам, зачем тебе вдруг понадобилось про синюю смерть вызнать.

Пришлось рассказать. И про клад, который мы с сельским головой нашли, опутанный синими нитями, и про призрачную рысь, запечатанную в комнате синей смертью. Рассказ получился недолгим и не слишком, на мой взгляд, интересным, а вот библиотекарь даже головой покачивал в нужных местах.

– Ясно, – резюмировал он. – Хорошо, что меня спросил. Синяя смерть – колдовство редкое, сталкиваются с ним немногие, а чтобы вот так – разобраться, для этого надо хотя бы третьего круга быть, а у тебя, милоч, ты уж не обижайся, пятый всего лишь. Так что самому тебе подобное воспроизвести не получится. Сила большая нужна, а главное – умение ее расходовать. Про заклинание это ничего тебе не дам, рано тебе, да и не нужно, а вот для общего развития есть у меня книжка про измененных. Справочник. Они ведь, твари эти, как раз на синей смерти возвращены. Вот и считаешь. А про то, что ты мне сейчас рассказал, никому особо не болтай, договорились? Вижу по глазам, что да.

Он потер большим об указательный палец, и я снова обрел способность двигаться. Встал. Даже присел пару раз, больше для порядка, вернуть кровообращение я и другими способами вполне мог.

– А обязательно было вот так? – я кивнул на кресло.

– Ну да, – библиотекарь пожал плечами. – Ты, Марк Львович, сам посуди. Приходит ко мне человек, в канцелярии без году неделя, и требует книгу о заклинании, заметь – запретном. И вроде как по деятельности ему об этом знать совсем не нужно, а ведь хочет. Вот и вопрос сразу – зачем? А тут и разум закрыт, а вдруг ты шпион имперский.

– Ага, – согласился я. – А еще небось Менелая Феоктистовича обойти хотелось, тому-то не удалось, а тут повод такой.

Дедок неодобрительно поглядел на меня.

– Ум, милоч, не в том состоит, чтобы все подмечать да анализировать, и других людей в краску вгонять, а в том, чтобы на свою пользу это обратить.

– Извините, – я развел руками, – когда вас вот так по голове шарахнут, тоже начнете небось всякую чушь нести.

– На первый раз прощу. Хотя мог бы и поддаться. – Библиотекарь вздохнул, встал со стула, зашел за свою конторку, провел рукой над столешницей, где тут же материализовалась толстая книга в бархатном красном переплете. – Три дня.

Есть вещи, к которым привыкаешь, и хотя они вроде как мелочь, но без них все гораздо сложнее. К примеру, пластиковые пакеты. Понятно, что с зелеными технологиями как-то и не до нефтеперегонки, но все равно полимеры тут конкретно не в ходу. Пришлось книгу заворачивать в кусок коричневой бумаги и уже потом швырять на сиденье личного авто. А то станет с этого поганенького старикашки докопаться до пятнышка на бархате, а золотой запас у меня не бесконечен.

И хотя рабочий день мой начинался, согласно распорядку, в семь утра, о его окончании упомянуть там же как-то позабыли, так что я сам назначил себе свободный рабочий график, работа, как оказалось, нервная и небезопасная, да и время уже было далеко за полдень.

– Что-то ты, Марк Львович, бледный какой-то, – словно черт из табакерки, возник Фил. Он как всегда улыбался своей фирменной длиннозубой улыбкой, оптимист по жизни, что сказать.

– От мороза, – я открыл водительскую дверь, впуская январский воздух внутрь салона. – Климат тут неблагоприятный, континентальный резко.

– Никак у господина Хомича, Модеста Всеславича, был? – догадался Фил. – Да? Тогда понятно, я, когда первый раз в библиотеку пришел, так потом три дня отпаивался в местном кабаке, и больше в этот книжный вертеп ни ногой. И чего меня туда занесло, не помню уже. Я-то больше на девок полуголых в театре посмотреть люблю.

– И правильно, – согласился я. – От книг один вред здоровью, особенно глазам.

– Точно, – Фил серьезно кивнул. – То-то они у тебя такие усталые. Надо, Марк, их каплями волшебными спрыснуть. Наливочкой клюквенной, к примеру.

– Надо бы. Только вот скажи, – решил все-таки подстраховаться я. – Во сколько вы тут заканчиваете работать? А то в списке, который ты мне приносил, там ни слова об этом.

Фил почесал затылок, задумался.

– Ты вот что сегодня должен был сделать?

– Ну не знаю, – я пожал плечами, – вроде с Розумовским встретиться, потом с Силой Горынычем, а потом в библиотеку. И вроде все.

– Вот! – Фил поднял палец. – Зуб дам, что ты все это сделал. Значит, и работа на сегодня закончена. А завтра в семь утра начальство тебе еще что-нибудь придумает, чтобы просто так без дела не шлялся.

– Логично, – я забрался в повозку, распахнул пассажирскую дверь. – Поехали глаза промывать.

Лучшую жидкость для промывки глаз, по уверениям Фила, продавали недалеко от моего дома, буквально в двух кварталах. Неприглядного вида забегаловка, с обшарпанными стенами и засранным – в буквальном смысле, к коновязи были привязаны настоящие лошади – двором, внутри оказалась вполне чистым и благопристойным местом. Худенькая официантка подскочила к нам, стоило усесться за столик, дежурно улыбнулась мне, и очень тепло – Филу, выслушала наши, а точнее говоря – его пожелания, и упорхнула. Фил остался сидеть с дурацкой улыбкой на лице.

– Хорошая девочка, надо за ней приударить, – потянулся я, поудобнее усаживаясь на мягком стуле.

Улыбка на лице Филя почти пропала вместе с привычно дурашливым выражением лица, на меня смотрели холодные глаза человека, готового убивать. Буквально мгновение, потом и выражение, и улыбка вернулись.

– Да, отличная девочка, – Фил продолжал улыбаться как ни в чем не бывало, – зовут Лукерья, по-нашему – Лушка. Дочка хозяина этого заведения.

– Расслабься, – посоветовал я коллеге. – Не буду я шашни с твоей Лушкой крутить. Просто пошутил.

– Ох, Марк Львович, ты и шутник, – добродушная, чуть придурковатая улыбка не сочеталась со снова ставшими серьезными глазами, – ухо остро с тобой держать надо.

– Много вас тут таких, нервных воздыхателей, – улыбнулся ему в ответ я и рассказал про Шуша и его любовные страдания. Фил внимательно слушал, в нужных местах кивал головой, фырчал и смеялся, видно было, что эту историю он уже знает, хоть и в другом пересказе.

– Не, Луша не такая, – совершенно не обидевшись на аналогию с дочкой хозяйки гостиницы, под конец сказал он, прихлебывая принесенную наливку. – Отец ее не разрешает нам встречаться, считает, что работа у меня слишком опасная. А Луша – она хорошая и добрая девочка, правда?

Хорошая и добрая девочка кивнула. Принеся наливку практически в начале моего рассказа, она уселась рядом с нами и слушала, подперев голову рукой.

– Эта Кеси – тварь та еще, – с юношеским максимализмом заявила она. – На месте Шуша я бы давно ее бросила.

– Ты просто этого Шуша не видела, – хмыкнул Фил. – Он вон Марка Львовича никак не бросит, уж как его милость от этого парня пытался отделаться, а все никак.

– Один-один, – я отсалютовал Филу стаканчиком наливки, сделал очередной глоток. Наливка и вправду была хороша, спирт практически не чувствовался, только густая, тягучая кисло-сладкая жидкость с ярким вкусом клюквы и нотками каких-то трав. Отлично шла, несмотря на мою индифферентность к алкоголю, просто приятно было вот так делать маленький глоток, размазывая напиток по нёбу, смаковать потихоньку.

Какой-то явно небедный господин за столиком в углу так не считал. За то время, пока мы сидели, он успел выхлебать кувшин такой же с виду наливки, да еще и самогона заказал. Но первый стакан дистиллята, видимо, не в то горло пошел – он схватился за шею, лицо покраснело, и тело в богатой одежде свалилось рядом со столом, сотрясаясь в судорогах.

Глава 4

Так получилось, что лицом к упавшему на пол алкоголику сидел именно я. Фил, так тот вообще спиной, а Луша на Фила больше смотрела, чем на происходящее вокруг, тем более что и народу-то в этот час было не очень много. Кроме нас и дрыгающего руками и ногами посетителя – практически никого.

– А что вот с этим господином случилось? – разорвал я притяжение влюбленных взглядов.

Фил обернулся, Лушка взвизгнула, и оба они бросились к замирающему телу. Девушка принялась брызгать водой, Фил попытался поднять страдальца, но тот непроизвольно сопротивлялся. Пришлось помочь.

– Огненная вода не в то горло пошла? – опустил я на одно колено рядом с посетителем. Фил меж тем короткими приказами заставил местную обслугу взяться за спасение клиента – под головой уже лежала свернутая скатерть, рядом стоял кувшин с водой, слегка подкисленной уксусом.

Положил руку уже даже не дергающемуся человеку на лоб. Странно, такое впечатление, что все органы отказывали один за другим. Сердце билось с переборами, еле прогоняя по сосудам загустевшую кровь, почки явно пошли вразнос вместе с печенью, из-за недостатка кислорода мозг отключился. Странные судороги шли от нервных корешков позвоночника, и там импульсы практически не проходили – спасибо внутреннему диагносту, я мог определить, где находится очаг всего этого безобразия. Что странно, вовсе не в желудке, куда было вылито огромное количество пойла, и не в печени, которая должна была все это переработать. Грязная черная клякса находилась прямо в локтевом сгибе.

Я сосредоточился, попробовал хоть как-то нормализовать состояние больного, но ничего не получалось. Казалось, его организм не отторгает лечение – игнорирует. Даже попытка залезть ссадину на лбу от падения на пол ничем не кончилась, хотя это-то должно было сработать.

– Странно, не могу ничего сделать, – я отнял руку ото лба клиента, машинально поглядел на ладонь. В центре было какое-то красное пятно. Точно такое же – над бровями лежащего на полу. – Может, помощь вызвать?

Фил сначала задумчиво кивнул головой, потом увидел пятно, вскочил и отшвырнул девушку от тела. Судорожно крутанул кольцо.

– Всем отойти подальше, – заорал он.

Двух подавальщиц и повара как ветром отшвырнуло к стене. Ничего не понимающая Луша сидела на полу на круглой попе и непонимающе тарасила глаза. Кстати, я тоже что-то ничего не понял. Так и сказал.

– Ты чего это?

Фил чуть ли не отпрыгнул от меня, стоило мне лишь наклониться в его сторону.

– Ты эта, Марк, не двигайся, – попросил он.

– Ладно, – пожал я плечами, – может, объяснишь, что случилось-то?

– На ладони у тебя, – он отодвинулся еще дальше, кивнул в мою сторону.

Я осмотрел руку со всех сторон. Ну подумаешь, красное пятнышко. Тем более что оно вроде как меньше стало. А вот у больного – наоборот, красное пятно расплзлось уже на половину лба. Он почти не дышал, только хрипел, глаза налились кровью и смотрели в одну точку. Как аллергия какая-то. Или инфекция. Не хватало мне только местную чуму подхватить. Я спохватился, продиагностировал себя – все было практически в полном порядке, ну кроме пятнистой ладони. Под этим пятнышком на руке сформировалось черное зернышко со жгутиками, оно пыталось проникнуть дальше, но мой организм не то чтобы сопротивлялся – он лениво обрубал жгутики, словно издеваясь над зерном. Я практически чувствовал, что даже

без заклинания он справится с заразой за секунду, но вот что-то внутри меня, и я догадывался – что, изучало этот объект. И никаких сообщений, типа – мол, Марк Львович, обнаружена новая зараза, изучается. Нет, ничего этого не было. Зная сквалыжный характер доставшегося мне модуля, я особо не беспокоился, все, что надо, я узнаю в самый неподходящий момент, как всегда.

А вот Фил беспокоился. Он беспрестанно крутил кольцо, словно палец пытался себе оторвать. И смотрел на дверь.

Пока я смотрел внутрь себя, прошло несколько минут, и вот такие дергания оптимизма мне не добавляли. Луше надоело отсиживать попу, она получила от Фила ценные указания и куда-то убежала, прочий персонал тоже очистил обеденный зал от своего присутствия. Так что остались мы втроем – я, Фил и практически уже даже не хрипящее тело.

Но тут двери распахнулись, впуская вовнутрь новых действующих лиц.

Сначала, прямо дежавю, вбежали два парня в серых камзолах, придерживая створки для прибывающих особ. Потом в залу влетел мой старый знакомый, врач Мирон, и сразу направился к лежащему на полу телу.

– Посторонние? – бесстрашно кладя руку на окончательно покрасневший лоб, повернул он голову к Филу.

– Заперты в подсобке, – отрапортовал тот, – до пострадавшего не дотрагивались, сразу после появления пятна отошли на условно безопасное расстояние.

– Это хорошо, – Мирон кивнул.

Тем временем в зале появились еще двое, мой местный учитель Сила и мой же недоброжелатель боярин Тятьев, который при виде меня неодобрительно покачал головой, мол, как что случается, так этот новоявленный колдун обязательно тут как тут.

И не более того, все внимание вновь прибывших было сосредоточено на пострадавшем.

– Ну как? – Тятьев пододвинул стул, разместился с комфортом.

Сила уселся рядом.

– Последняя стадия, – Мирон встал, вытер руку салфеткой. Вот на его ладони ничего не появилось. – Грибница уже проросла.

– Выяснить, кто – и сжечь. Или себе возьмешь? – Тятьев кивнул Силе.

– Не, – тот покивал головой, – чего я там не видел. Вот если бы удалось на предпоследней стадии отловить, тогда да – понаблюдал бы с удовольствием. А так подумаешь, еще один проросший. Там уже вся грибница сформировалась, через несколько минут рассыплется. Ценности не имеет.

– А ты никак хотел бы отросток взять? – прищурился Тятьев.

– Ты меня, Север Вельминович, под приказ не подводи, – с ленцой протянул Сила, – а то сам знаешь, я человек не злопамятный, но память у меня хорошая.

Тятьев неожиданно хохотнул, легко встал, подошел к Мирону.

– Ну что, Мирон Ипатич, забираем.

– Да, – тот потер лоб. – Никто точно тело не трогал?

– Ну, кроме меня – никто, – опередил я Фила, уже готового было сдать боевого товарища.

Мирон поморщился.

– Ну, судя по тому, что вы, Марк Львович, живы и здоровы, отросток к вам не перешел.

Я поглядел на ладонь – обычная здоровая кожа, пятно бесследно исчезло, как и черное зернышко под ним. И кивнул головой, чего человека расстраивать, от важных дел отвлекать, со своим здоровьем я уж как-нибудь сам разберусь.

– Пятый круг, – вступил в разговор Сила. – Всплеск был недавно.

– Тогда понятно, – Мирон окончательно успокоился.

Тем временем два серых камзола притащили что-то вроде гроба, Тятьев с Силой не погнушались загрузить туда тело, и покойник окончательно исчез за дверями. И Тятьев за ним. А мы вчетвером остались в трактире.

– Ты ведь, Марк Львович, ничего не понял, правда? – Сила отхлебнул пиво из огромной кружки, отломил от красного, пахнущего укропом огромного рака клешню и высосал содержимое. Мы сидели за заново накрытым столом, Фил с Мироном дегустировали наливку, а мы с Силой – пиво. На мой взгляд, очень даже неплохое, вот с него надо было начинать, глядишь, и день бы по-другому пошел.

– Нет, – честно признался я.

Сила оглядел обеденный зал.

– Прислуга в подсобке, – тут же доложил Фил.

– Ну и хорошо. Так вот, поскольку тут все люди свои, и о расследованиях знают, скажу, как есть. Ты, Марк, на складе, когда с Еропкиным из колдовского приказа знакомился, его подручные красную пыль нашли. Не буду подробно рассказывать, что да как, по сути – красная пыль, это споры одного гриба, в естественных условиях почти не встречающегося. Потому как для этого гриба нужен переносчик. А единственный вид, на котором этот гриб паразитировал, уничтожен почти тысячу лет назад, вместе с остальной живностью небольшого континента, на котором он обитал. Так вот, для обычных людей красная пыль – это наркотик. Практически безвредный, если не превышать определенную дозу. И очень действенный, куда там конопле или опиуму. Но вот если эту дозу превысить, а со временем потребность растет, споры образуют грибницу, прямо в человеке. Обычно в локтевой впадине – туда пыль втирают. И вот с этого момента человек преобразуется – он всегда весел, благодушен, в отличном настроении. Прямо идиот, но умный – мыслительные способности тоже возрастают.

– Еще как, – подтвердил Мирон, отрезая кусок от окорока. – Не гений, конечно, но разница с прежним уровнем существенная.

– Именно, – продолжал Сила. – И живет так человек несколько месяцев, а то и год. Иногда даже полтора, максимум – два. А потом грибница пробуждается. Это называется предпоследней стадией. В ней она при удачном стечении обстоятельств, которое карается казнью через сожжение и проклятием на весь род, начинает выделять споры. А вот если обстоятельства не складываются, за чем мы пристально следим, человек умирает. И тут опасность, в то время, когда прежний носитель гибнет, грибница может переползти на другого носителя. Но!

Тут он поднял вверх очередную клешню.

– Колдунов эта зараза никак не поражает. Только обычных людей, ну иногда – из шестого круга кого, но тех вылечить можно. А вот обычного человека – тоже можно, но дорого, дешевле помереть. Так что дотронулся кто по неведению, а так обычно и случается, ведь помочь всегда желающие находятся – и все, в девяносто девяти случаях из ста грибница решает, что ты ей не подходишь. И вот так же носитель помирает, максимум за неделю, и за эту неделю размножается в других носителях, ищет своего единственного. Так что вещь это заразная, иногда приходится и карантин вводить. Это вот сейчас Мирон Ипатич всех осмотрит и, если что – отпустит.

Фил побледнел, отложил на тарелку куриную ножку.

– Не пойму, – признался я. – Эту ведь пыль откуда-то берут. Значит, есть где-то носители, которые вот так носят в себе заразу.

– И не надо понимать, – отрезал Сила. – Вопрос государственный. После чумы эта пыль везде вне закона. Любой, кто занимается ее добычей, торговлей и употреблением – государственный преступник. Сейчас вот этого придурка, который решил в астрале полетать, личность установят, и всем его родным, близким, друзьям, даже дальним знакомым мало не покажется.

– Часто так? – осторожно поинтересовался я.

– С пылью? Бывает. Десяток раз за год. Уж и малым детям в школах рассказываем, и околоточные беседы проводят, но вот найдется обязательно такой идиот, которому мало доброго вина или обычной дури, а ведь порция пыли по чем сейчас идет? – Сила поглядел на Фила.

– По десять золотых за шепот, – подсказал тот.

– Вот! А это на один раз. Так что поэтому и банки за расходами следят, и пришлых мы отслеживаем, откуда что берется. Ну кроме колдунов.

– Ага, – усмехнулся Мирон, – не испытать нам настоящего блаженства. И все равно колдунам завидуют. Да, Фил?

– А как же, – подтвердил зубастик. – Черной-пречерной завистью.

С прислугой обошлось. Трясущиеся от страха, ничего не понимающие, они подходили к Мирону, тот их быстро обследовал и отпускал. Всех трех – повара и двух подавальщиц. А вот с Лушкой задержался подольше, держал за руку, покачивал головой, от чего Фил то бледнел, то краснел. И наконец отпустил бедную девушку.

– Все в порядке, – подвел местный эскулап черту под диспансеризацией. – Все здоровы, а дальше пусть сыскной приказ этим занимается.

Обрадованный Фил увел Лущку куда-то. Успокаивать, как пить дать. А я засобирился домой, и так день вышел слишком насыщенным.

У дверей уже стояли трое в черных камзолах, при виде меня подобрались, слегка поклонились. Один из них протянул мне серебряную пластину, предложил дотронуться до нее кольцом. Пластина вспыхнула зеленым. Вроде как за своего сошел, выпустили, но поглядывали с сомнением.

День уже клонился к вечеру, и дел-то всего было ничего, а вот поди, первое января почти прошло. Без елки, тяжелой головы утром и доедания салатов в течение дня. Благодать. По январскому морозцу я бодро дошагал до своей колымаги, и уже в ней помчался на всех парах домой – к тишине и одиночеству.

Когда я поставил повозку на парковочное место во дворе и зашел в двери, оказалось, что мчался я еще и к коту.

Здоровый черный котяра сидел прямо в прихожей и требовательно глядел на меня, не отвлекаясь на «кис-кис» и «пошел вон». А пнуть его вот не поднялась нога.

У меня никогда не было животных. В детстве, когда другие ребята умоляли родителей купить им щенка, я больше о велосипеде мечтал. Потом, с взрослением, я понял, что был прав, велосипед не просился гулять два раза в день, не жрал котлеты со стола и не оставлял шерсть в самых неподходящих местах вместе с какашками. Да, он не клал голову мне на колени, не давал чесать за ухом, или что там у велосипеда – грипсы? Но тем не менее он был мне верным другом на протяжении нескольких лет, уступив место другому, со следующим размером рамы и колес. А животные... они отлично смотрелись у моих друзей и приятелей, у Жоры Богданова – аж два пса, у Лехи – доберман. Но у них и дети были, и жены. А я вот как-то всего этого избежал.

Но собаки, это так, мелочь, другое дело – кошки. Романтические отношения, в которые я периодически вляпывался, неизбежно втягивали меня в круг увлечений очередной половинки. И вот тут кошек было в избытке. Такое впечатление, что женщины помешаны на них. Ладно одна серая напасть, а то и две, и три разных цветов, но с одинаково мерзким характером. В отличие от собак, кошки меня никогда не любили. И если до откровенного жидкого подарка в кроссовки не доходило, то вот царапнуть исподтишка, поточить когти о новые джинсы или нагло улечься на колени, оставляя клочья шерсти, – это пожалуйста. И ведь не сделаешь ничего, не погладишь котика – не получишь любви от его хозяйки. А попробуй обидь – и отношениям конец. Хотя что там кошки, вон у Катьки Уфимцевой целый спиногрыз человеческий был, тоже не очень-то любил меня. Детей я смело относил к домашним питомцам.

Так что к неожиданному гостю я отнесся с прохладцей. Даже не стал забивать себе голову, как он вообще появился в доме, все окна и двери были закрыты, подвал – проверен в первый же день, никаких потайных ходов или щелей в нем не было.

– Ты как тут оказался? – все же спросил я. Коты любят человеческую речь. Они в ответ на нее урчат, как мне кажется – матерятся потихоньку. Вот и этот заурчал, лениво приподнялся, подошел ко мне, потерся об ноги.

– Может, ты есть хочешь?

Урчание стало громче.

Не знаю, почему книги и фильмы с упорством заставляют нас думать, что коты обожают рыбу, мышей, сметану и молоко. На моей памяти только у одной из моих пассий представительницы семейства кошачьих ели что-то натуральное. Она каждые две недели строго по списку, бедняжка, покупала какие-то потроха, смешивала их с отличной говяжьей вырезкой, яйцами, прямо со скорлупой, и зачем-то – морской капустой. И вот эту адскую смесь ее две кошки жрали за милую душу, еще бы, не в каждом ресторане такое сготовят.

У остальных отлично обходились круглыми вонючими шариками. Ягненок с лососью, курица с гранатом или говядина со злаками и ананасами пахли и выглядели одинаково отвратительно.

Но как бы там ни было, тут, на этой Земле, кошачий корм никто специально не делал. В лавке на углу приказчик странно на меня посмотрел и посоветовал зайти в трактир, мол, основная фабрика по приготовлению кошачьих лакомств – там.

И точно, подавальщица, услышав о моих бедах, скрылась на кухне и через минуту вынесла мне пакет с какими-то обрезками. Надо сказать, весьма неплохо пахнущими. Все это роскошество, а там был почти килограмм, обошлось мне в серебряную монету. Точнее говоря, стоило это тридцать медных, но на сдачу я просто потрепал симпатичную девушку по румяной щечке и вернулся домой.

Кот к принесенному угощению отнесся благосклонно, сожрал все, улегся в кресло и потихоньку урчал, так что когда принесли ужин мне, я договорился со служкой, что вместе с завтраком и вечерней доставкой еды мне будут приносить порцию и для кота.

И надо сказать, вечер мы провели отлично. Кот тихонько посапывал, я сидел перед камином, глядя на огонь, и даже когда черная тушка весом не меньше десяти кило плюхнулась мне на колени, подставляя голову, не стал возражать.

То ли я постарел, то ли гормональный фон из-за перехода действительно изменился, как и предупреждал ан Траг, но почесывание кота за ухом неожиданно принесло удовольствие. Тихое урчание, потрескивание дров, отличное красное и тишина, что еще нужно для первого вечера нового года.

Уже ближе к полночи я согнал кота с колен, поднялся на чердак, оттуда через окно вылез на крышу и уселся на заботливо сделанную кем-то скамеечку. Нашел на небе Полярную звезду, ковш Малой Медведицы, Большой, на этом остановился – других звезд и созвездий я все равно не знал.

– Красиво, – выдохнули рядом со мной. Тонкая женская фигурка в полушубке вот уже пять минут как примостилась рядом, отобрала кружку с взваром и изредка прихлебывала.

Глава 5

– Попу отморозишь, – предупредил я.

Женская головка тряхнула белоснежно-платиновыми волосами, голубые глаза сверкнули.

– Вылечишь!

Процесс лечения затянулся до трех утра. А потом Мила выскользнула из кровати и исчезла. В этом преимущество колдовского образа жизни – всю ночь можешь бухать, по бабам ходить, веселиться – а утром свежий как огурчик, двух-трех часов сна вполне достаточно, если, конечно, не приснится что-нибудь нехорошее. Так что в половине седьмого я уже сидел в своей пепелац, спеша на службу.

На этот раз никаких непредвиденных обстоятельств не произошло, и уже без четверти семь я входил в приемную канцелярии. Личным кабинетом меня до сих пор не обеспечили.

Прошка уже сидел на месте, словно и не уходил никуда, старательно выводил каракули и так же старательно меня не замечая. А я вот, напротив, поздоровался с ним, да еще подошел руку пожать, и вот на тебе – случайно чернильницу опрокинул. Оттуда прямо на документ вылилась лужица чернил, судя по ошарашенному виду Прокулюса, чернильница была непроливной, и вот такой подлости он от нее не ожидал. Ну так и мы не пальцем деланы, что для колдуна, вставшего в шесть утра, стоит подгадать ближнему.

Надо отдать должное парню, он не вскочил, не заорал и не швырнул стулом, а тихим замогильным голосом проинформировал меня, что вот уже десять минут в комнате дальше по коридору идет совещание, где меня очень ждут.

Наврал Прошка. Никто меня там не ждал, в небольшом помещении без окон, освещаемым развешенными по углам светильниками, за круглым столом сидели четверо, из которых я знал только Тятьева. Что характерно, и стульев возле стола было только четыре, так что я заглянул, оценил обстановку и сразу же попытался закрыть дверь.

– Марк Львович, – ласковым до приторности голосом позвал меня Тятьев в последний момент.

Пришлось остановить движение створки.

– Да?

– Вы-то как раз нам и понадобятся.

– Зачем? – вступил в разговор один из присутствующих, тощий и очень надменный мужчина средних лет.

– Ну как же, – Тятьев кивнул в сторону правой от меня стены, где стояло несколько свободных стульев, мол, бери и садись. – По регламенту в таких ситуациях должны быть двое из сысского приказа, двое из колдовского и один из канцелярии, так?

– Ну да? – с сомнением протянул еще один, толстенький и розовощекий, с большим мясистым носом и карими глазами навывкате.

– Конечно. От колдовского здесь я и княжич Хилков, – он кивнул на надменного дрища, – от сысского – Косолапов и Лапник. А вот Марк Львович Травин будет от канцелярии.

– Это из каких Травиных? – тощий, оказавшийся целым княжичем, покосился на меня.

– Из тех самых, – пожал плечами Тятьев. – Не слыхал разве, у Фоминских новая старая родня объявилась?

Не знаю, на что он рассчитывал, то ли на то, что я по его самодовольной физиономии врежу, то ли что я скромно буду сидеть и слушать, как меня обсуждают. Оба варианта были так себе. Но не это было сейчас главным.

– Ну, если господин Розумовский так распорядился, – развел я руками, – то конечно. Или сам Росошьев Лаврентий Некрасович приказ отдал?

Хилков рассмеялся.

– Уел он тебя, Север.

Тягеев виновато улыбнулся, я привстал, уже готовясь покинуть теплую компанию, и тут дверь отворилась. В комнату тихо и даже как-то плавно вошел только что упомянутый Розумовский.

– Ага, Марк, ты уже здесь, отлично. Я думал Ухтомского послать, но Сила Гранович мне сегодня тут нужен. Так что езжай с господами из приказов, посмотри, что там происходит. Вернешься – доложишь.

Судя по слегка ошарашенным физиономиям Тягеева и двух дознавателей, решение стольника было неожиданным. Только вот Хилков откровенно веселился, что выражалось чуть приподнятым уголком рта на унылом лице.

Выехали мы на трех повозках, каждая служба – на своей. Сыскные впереди, телега Тягеева – замыкающей, а я посредине, видимо, чтобы не сбежал. Ехать пришлось недолго, минут десять, и мы были на месте, небольшое, но богатое подворье в черте города, но ближе к окраинам. Ворота нам отворили молодцы в черной одежке с синими бляхами, стало быть из сыскных. А вот внутри ограды и серые попадались, и черные, не меньше десятка ходило, что-то осматривали, оглядывали и проверяли. Я пока только в догадках терялся, что же от меня потребуется – то, что сегодняшней выезд со вчерашним происшествием связан, было понятно, вот только выбрали они не того. Все, что я знал о красной пыли, ограничивалось коротким и неполным объяснением нашего штатного колдуна.

Тягеев, выскочив из повозки, махнул рукой, приглашая нас пройти в дом. Основная постройка – одноэтажное бревенчатое здание с фасадом не меньше чем в двадцать метров, с резными наличниками, коваными решетками на окнах, затейливой резьбой и прочими украшениями, видимо, подчеркивающими достаток и безупречный вкус владельца, внутри было изрезано сетью коридоров. Все двери были распахнуты, помещения внутри были небольшие, видимо, чтобы не тратиться сильно на освещение и отопление, туда-сюда сновали служки в форменной одежде, один из них, посолиднее, в сером камзоле, сразу подскочил к Тягееву и уже что-то докладывал. Боярин внимательно выслушал, повернулся к нам.

– Ну что, Олег Викторович, как ты и говорил, следы ведут в Кирполь.

Тощий кивнул, недовольно поморщился.

– Торгаши. Как что поганое найдем, всегда к ним все ведет. Что скажешь, Иосиф?

Румяный огляделся, показал рукой.

– Пойдем, там вроде стол есть.

Мы прошли в небольшой зал с обеденным столом, судя по посуде, спешно уносимой куда-то приказными.

Иосиф смахнул несуществующую крошку, разложил по углам стола четыре кристалла, над столешницей появилась карта.

– Вот здесь, – показал он на яркую точку, – тот самый склад, ваша светлость. Пыль везли из Кирполя, не заезжая в Славгород. А потом со склада дальше, тут у них вроде как перегрузочный пункт был, пыль приходила вместе с ханьской бумагой, поди отличи, чем картинки раскрашены. На складе ее соскребали, с листа как раз щепоть получалась.

– К чему такие сложности? – поморщился Тягеев.

– Кто их знает, – сыскной дьяк пожал плечами. – Пытаем, но попалась мелочь, не знает ничего. Так вот, у этого купца, Свешникова, племянник на складе у Курова работал. И надумил его дядя листы со склада таскать, а взамен отдавал похожие, с обычной киноварью. Мы племянника этого еще тогда нашли, на дыбе висит, дядю уже сдал с потрохами, а вот найти

Свешникова не могли. И тут объявился. Жена говорит, что рухлядью торговал, а получается – еще и пылью приторговывал.

– Ясно. А пыль, значит, он в Кирполь отвозил?

– Ну, отвозил – это сильно сказано, – пояснил второй сыскной, Косолапов. – По нашим подсчетам, выходило у него в год щепотей двадцать, не больше.

– И стоило из-за такой мелочи мараться? – недоуменно покачал головой Хилков.

– Ну это вам, ваше сиятельство, мелочь, – Лапник хихикнул. – А для мелкого купца сто золотых тоже доход. Да и себя не забывал, лекари вон говорят, не меньше пяти щепотей себе втер, пока грибница прорасти не начала.

– Не сходится, – Хилков задумчиво посмотрел на сыскных дьяков, на меня, на Тятьева, на распахнутую дверь, соединил ладони, резко развел в стороны. Над нами оранжевыми всполохами силовых линий замерцал купол, отрезая от остальных. – Давай, не темни. Что нарыли?

– Защиту поставили? – Косолапов огляделся.

– Да, – Хилков нетерпеливо передернул плечами.

– Есть неувязочка. Торговля пылью в Кирполе шла через Митяя Хромого, а он у нас на крючке давно. Так прикинули мы, не было столько товара у Свешникова, чтобы и себе оставлять, и Митяю продавать.

– Намного?

– Раз в двадцать.

– Может, еще кто?

– Всех на складе растрясли, только вот Свешников додумался до такого, остальные по чуть-чуть себе воровали, это уж, как водится, но там слезы, а не товар.

– Ясно, – Тятьев кивнул. – Думаешь, откуда-то еще получал?

– Вот тут, – Косолапов ткнул в карту пальцем, отчего на ней зажглось небольшое красное пятнышко, – деревенька есть, Полесная, Свешникову от матери досталась. Несколько дворов всего. Так люди говорят, что давно уже не видели из нее никого. Словно пропали.

Хилков внимательно посмотрел на меня.

– Мы, Марк Львович, сейчас поедem, проверим одно местечко. Если с нами соберетесь, милости прошу. Но вот вызывать подмогу не надо, если там то, что я думаю – спугнем. Вы человек новый, поэтому предупреждаю сразу – вы только наблюдаете, а всю работу мы сами сделаем. Договорились?

Я кивнул головой. Раз так принято, чего мне со своим уставом лезть. Ну а если обманул, и сделаю по глупости что-то не то, уволят меня как пить дать, выгонят взащей. Излишняя доверчивость, она иногда помогает.

Во дворе приказные спешно рассаживались по повозкам. Деревенька купца Свешникова находилась в стороне от главной дороги, если отъехать от города километров пятнадцать, то на север еще двадцать пять – тридцать, через леса. Вытянутое с востока на запад Жилинское княжество граничило там с Великим Рязанским, так деревенька находилась километрах в пяти от границы, в самой гуще леса.

Кавалькада повозок растянулась на сотню метров, наших две – сыскные уселись ко мне, а в их телеге разместились шестеро чернокамзолытников, и еще три повозки с остальными приказными. При движении в колонне скорость задает самое медленное транспортное средство, так что сначала мы плелись со скоростью километров двадцать пять в час, не больше. И все равно приказные повозки отстали, после чего Тятьев не стал их дожидаться, а наоборот, только ускорился. Так что к повороту на север выскочили только наши две повозки, остальные плелись где-то за пределами видимости. Тятьев затормозил, вылез из своего роскошного тарантаса, подошел ко мне.

– Ждать не будем. Все равно на месте осматриваться, так что давай, Марк, держись за нами. Иосиф, ты подожди остальных, от них все равно вначале никакой помощи не будет, и выдвигайтесь, как сможете. А Митрия с собой возьмем, будет с тобой связь держать. Он что, опять спит?

– Вы не обращайте внимания, как до дела дойдет, шустрее нас с вами будет, надежный человек, – Лапник похлопал по плечу уютно сопевшего Косолапова, вылез из повозки, запахнул поплотнее тулуп.

– Думаю, вчетвером управимся на первое время, – Тятьев кивнул, побежал к своему пепелацу, тронулся.

Без аутсайдеров дело пошло живее, мы разогнались до сорока километров в час, не меньше. Заснеженная дорога, хорошо укатанная и расчищенная, легко ложилась под обтянутые цепями колеса повозки, сыскной дьяк проснулся и молча смотрел в окно, не донимая меня беседами, так что я спокойно наслаждался видами русской природы. Солнце уже чуть поднялось над горизонтом, освещая бескрайние леса и равнины. Буквально через пять километров от перекрестка мы въехали в лес, дорога стала петлять, по холмистой местности повозки то замедляли ход, поднимаясь, то разгонялись вниз под горку, приходилось следить, чтобы вот так не вылететь куда-нибудь в целину.

Но обошлось, хотя экстремальное вождение – не мой конек. Одну бы мою знакомую сюда, от мороженную на всю голову, вот уж она любила гонять по любой трассе на своем «Лансер-Эволюшн». Хотя что это я ее уже второй раз за неделю вспоминаю, не к добру это.

Лес, сначала перемежаемый вырубками, становился все гуще, пока не превратился в непролазную чащу. По моему внутреннему таймеру, мы ехали уже больше часа, а по карте – практически приехали, не больше двух километров осталось. И точно, повозка Тятьева начала притормаживать и окончательно остановилась перед развилкой. Основная дорога уходила чуть правее, а влево шла накатанная колея. Из окошка повозки боярина высунулась рука, махнула в нужную сторону, и мы тихонько тронулись по узкой дорожке, уходившей прямо в чащу.

По проминающемуся насту скорость никак не получалось держать больше десяти километров в час, по бокам узкой дороги возвышались отвалы снега высотой почти в два метра, вроде и зима не слишком щедрой на осадки была, а вон сколько напало. По дороге явно часто ездили, но могу вот точно сказать – Косолапов тот проезд боковой даже не заметил, только когда мы уже въехали на него, удивленно уставился в окно. Да и мне показалось, что какие-то всполохи пошли по развилке, стоило нам свернуть.

Но Тятьев пер напролом, так что мне ничего не оставалось, как ехать за ним след в след. В таком темпе, а насчет десяти километров я погорячился, передняя повозка то и дело притормаживала, мы не то что за полчаса – за час до места не добрались бы. Но тут узкая колея закончилась, мы выехали на поляну диаметром не меньше полусотни метров, укатанную, словно каток по ней прошел. На первый взгляд, дальше дороги не было, повозка колдовского приказа остановилась, оба стольничих вылезли на свежий воздух. Ну и я тоже, а вот Косолапов остался сидеть в повозке, закрыв глаза, видимо, опять сморило сыскного, укачало. Да и толку от него пока мало было, пусть человек отдохнет.

Тятьев что-то объяснял Хилкову, тот кивал головой, соглашаясь, и показывал рукой вправо. Увидев, что я тоже вылез на свежий воздух, Хилков помахал мне рукой.

– Марк, иди сюда. И давай без церемоний, договорились? Меня можешь звать просто – Олег, ну а с Севером вы давно знакомы, да?

Тятьев кисло поморщился, но кивнул. Еще бы, лучшие друзья.

– Вот и хорошо. Мы, когда поворачивали сюда, нить пересекли колдовскую, ход этот она загораживает, чтоб чужие не совались. Заметил что?

– Всполохи, – ответил я. – Оранжевые, словно какая-то сигнальная метка стояла.

– Вот и мы увидели. Но что странно, от сигнальных меток линия обычно идет, почти незаметная, где-то тут должна быть, сможешь найти? Север говорит, у тебя талант к таким делам.

Я пожал плечами, мол, если смогу, найду, и вернулся к тому месту, где мы выехали на поляну. Снег пружинил под ногами, но не проваливался, так что идти было легко.

Внимательно осмотрел все вокруг, если линия, то она должна идти по ходу движения, просто так подать знак, что кто-то пересек границу не слишком информативно, а вот отследить, где в настоящий момент нарушитель находится – это было бы логично. Несколько раз прошел туда-сюда, под внимательным взглядом Хилкова и насмешливым – Тятьева, и все без толку. Уже было отчаявшись, поднял голову вверх и увидел ее.

Метрах в трех над дорогой шла еле заметная красная нить. На грани восприятия видимая. Не будь солнца, на котором она смотрелась тоненькой царапиной, так и осталась бы незамеченной.

– Что-то разглядел? – Хилков быстро подошел ко мне, поднял голову. – Видишь что?

– Красная нить, очень тонкая, – показал я рукой. – Еле видна, лучше на солнце смотреть.

– Нет, не вижу, – Хилков пригляделся, покачал головой. – Север, может, ты?

Тятьев нехотя подошел, уставился на солнце. Он смотрел в ту же точку, что и я, но явно ничего не видел.

– Ничего не напутал? – спросил он, не дожидаясь ответа, полез в карман, вытащил монокль на длинной ручке, украшенной самоцветами, с квадратным окуляром и толстым, словно линза от лупы, стеклом. Приложил к глазу, поморщившись, тут же убрал от лица.

– Да, точно. Что же ты, Марк, меня у оценщика тогда дурачил? Неумеху строил?

– Я с удовольствием послушаю эту историю, но потом, – Хилков похлопал Тятьева по плечу. – А сейчас, Марк, будь добр, посмотри, куда эта линия ведет.

Я пригляделся. Теперь, когда я знал, где эта красная нить находится, различить ее на фоне неба стало легче. Сторожевая линия шла вокруг поляны, кольцом, я прошел вдоль нее – от кольца отходили три луча. Первый – в том направлении, откуда мы приехали. Второй – в противоположном. И третий, почти незаметный даже мне, метрах в тридцати справа от въезда уходил прямо в лес.

У повозок, на снегу, я нарисовал план сигнальной линии. Как смог. Тятьев со своим моноклем сходил, проверил, подтвердил, мол, так все и есть.

– Ну что же, – Хилков подошел к моей повозке, присмотрелся к Косолапову, укоризненно покачал головой, – место тут непростое. Я связаться с нашими не могу. У тебя как?

Север покачал головой.

– Попробуй ты, Марк.

Я крутанул кольцо. Обычно было достаточно чуть повернуть его, чтобы палец слегка занемел, сигнализируя о связи с канцелярией, и несколько раз нажать. Четыре – если требовалась срочная помощь. Но кольцо не отзывалось.

Отошел к краю поляны, к въезду – чтобы не стоять внутри сигнальной петли, результат был тем же самым.

– Беда-а, – протянул Хилков. – Три колдуна и один спящий дьяк попали в ловушку. Можем отступить, но что-то подсказывает мне, что просто так нас отсюда не выпустят. Так что лучше пойдем, посмотрим, кто тут такой наглый.

– Пойдем, – Тятьев потянулся, – давно я не развлекался. А подтянутся наши, и опять скукота.

– Ты как, Марк, с нами? Можешь остаться здесь, – Хилков кивнул на Косолапова, – посторожишь его. Но что-то подсказывает мне, что проснется он нескоро, уж очень крепко спит. Старается.

Словно подтверждая слова княжича, Косолапов засопел, громко всхрапнул и зачмокал губами. Талант.

– С вами, – геройствовать не хотелось, но и оставаться на открытой со всех сторон местности не хотелось. К тому же, судя по тому куполу, который поставил Хилков, он был сильнее меня раз в десять, так что лучше уж я поближе к нему побуду.

– Можем разделиться, – предложил Хилков. – Вы идите вот в этот отросток непонятный, а я прямо.

– Нет, – Тятьев покачал головой, – место непонятное, лучше вместе держаться. Начнем с отростка этого. Сердцем чую, неспроста он вбок уходит. Давай, Олег, ты иди первым, Марк за тобой, а я замыкающим.

Глава 6

По глубокому снегу идти то еще удовольствие. Хорошо хоть сегодня не щегольские ботиночки надел, а такт-обувку из прежнего мира, с мощной рифленой подошвой и пассивной терморегуляцией, а то чихать мне и кашлять потом неделю – подлечить-то я себя смогу, но кто же от законного больничного откажется?

Хилков бодро пер вперед по непролазной чаще, срезая нависающие ветки движением рук, я – по его следу, а сзади вечно недовольный Тятьев что-то бормотал себе под нос. Судя по тому, что мне хотелось икнуть, про меня там тоже было что-то. Так мы прошли метров сто, неожиданно заросли закончились, и мы вышли на накатанную дорогу. Хилков наклонился и потрогал наст.

– Укреплен, – с каким-то непонятным удовольствием в голосе произнес он. – И хорошо так. Слышь, Север, тут минимум четвертый круг сидит. А то и третий.

– Что третий, что четвертый, – Тятьев обошел меня, потыкал наст носком сапожка. – Вдвоем мы его раскатаем. Главное, ты, Марк, не мешайся, позади стой. Но не сейчас, сейчас ты как раз иди вперед и нить эту отслеживай, я-то ее не вижу, но чувствую, непростая она. У нас в приказе...

– Так и сделаем, – прервал его княжич. – Марк, что видишь?

Когда знаешь, что и где искать, найти и взять гораздо проще. Нить висела на высоте трех-четырёх метров, ровная, словно натянутая, по ней изредка пробежали искры. Странно, что эти хваленые колдуны их не замечали.

Про искры я сказал – ну чтобы показать, что не последний член коллектива. Тятьев неожиданно оживился.

– Давай, как искру увидишь, подай знак. Куда смотреть?

Я показал, где точно проходит нить, даже создал небольшого светляка и подвесил его рядом. А как только увидел крохотную вспышку, хлопнул в ладоши.

– Есть, – довольно улыбнулся боярин. – Я тоже увидел. Олег, ты как?

Тот только руками развел.

– Это вы такие глазастые, я, сам знаешь, больше разрушать могу. Ладно, что дальше делаем?

– Идем, – Тятьев мотнул головой, – смотри, дорога прямо в направлении границы, параллельно основной идет, значит, через несколько километров уже Рязанщина. Если до этого не найдем ничего, будем выбираться и подмогу ждать, тем более что где-то через час они все равно на развилке будут. По карте – деревня эта неподалеку от той поляны была, значит, карта врет.

– Одно из двух, – продолжил Хилков, – или деревеньки нет больше, или не было никогда, бывает такое, придумают, чтобы статус свой поднять или дворянство вдруг получить служивое. Но хватит рассуждать, уже обед скоро, а мы все телимся.

Тятьев согласился, и мы зашагали по ровной, хорошо укатанной дороге. Первый вопрос, который бы я задал – как эта дорога стыкуется с той, по которой мы ехали. Но раз у моих коллег это удивления не вызвало, то я тоже решил пока собственным невежеством не щеголять. Тем более что всего через несколько минут мы вышли к очередной развилке.

Путь разделялся на три, прямо как в народных русских сказках. И валун стоял прямо посреди дороги, вот только надписей на нем никаких не было. Человеческий череп на верхушке мрачно наблюдал за нами, создавая необходимый настрой опасности и предстоящих невзгод, сигнальная линия доходила до точки над ним и вертикально вниз уходила в правую глазницу.

– Направо пойдешь – коня потеряешь, – тихо сказал я.

– Что-что? – переспросил княжич.

– Сказки такие у нас в Пограничье есть. Про вот такие дороги с валунами, только на них еще надписи. Направо пойдешь – коня потеряешь. Налево пойдешь – смерть найдешь.

– А прямо?

– А прямо у нас никто не ходит, – вздохнул я. – Все огородами какими-то.

– И как выбираете?

– Монетка. Подбрасываете монету, на какую сторону упадет, туда и идем.

Хилков покопался в кармане, достал золотой, подбросил. Монета воткнулась ребром в наст.

И мы пошли прямо. Княжич монету поднимать не стал – видимо, не по чину ему за всякой мелочью наклоняться, а я постеснялся как-то. Но на монету следящий конструктор наложил, чтобы на обратном пути случайно к ботинку прицепилась. Вот действительно, мелочь, даже по моим капиталам, а жалко – четыре грамма золота вот так оставлять.

– Правильно, – одобрил мои действия Тятьев, – тут неизвестно что начаться может, якорь всегда не помешает. Молодец, Марк.

И действительно, началось.

Мы прошли по дороге минут пять и вышли снова к этому валуну. По совершенно прямой дороге и точно к этому – монетка так и стояла на ребре. Причем вышли мы справа, хотя по моим ощущениям дорога была совершенно прямая, никуда не сворачивала. Обратное по той же дороге мы снова вышли к валуну, но уже слева. Третий раз Тятьев с нами не пошел, остался дожидаться возле монеты. И правильно сделал, левый путь тоже вел к валуну, только вернулись мы по той дороге, по которой пошли в первый раз.

– Мне надоело, – пожаловался Хилков. И саданул чем-то очень мощным по бульжнику.

Тятьев-то устоял, а меня снесло метров на десять и отбросило на снег, вдавило наполовину.

Вместо валуна на дороге зияла яма метра три в диаметре, с черными оплавленными краями. А прямо над ней висел как ни в чем не бывало череп. И вот не знаю, как ему это удавалось, но улыбался, какое-то время.

А потом разлетелся на куски, каждый из которых так и норовил в нас попасть, только щиты не пробил.

Пока мы пялились на это представление, сзади раздался треск. Деревья смыкались за нашей спиной, Хилков бросил огненный шар в заросли, но огонь бессильно стек вниз, словно каждая веточка была покрыта противопожарным составом.

– Север, щит, – выкрикнул княжич, вытягивая руки вперед. С его пальцев сорвались зеленые искры, сначала ровно десятков, потом они вспыхнули, и на месте каждой появилось еще по десятку, и еще, и еще, пока не образовалось большое облако, которое, впрочем, быстро распалось на комочки, которые подлетали друг к другу, цеплялись и отрывались, вытягивая зеленые нити. Огромный комок зеленой пряжи начал растягиваться, образуя паутину. Там, где она касалась растений, те рассыпались в пыль.

Тем временем боярин с ленцой взмахнул руками, и над нами появился плотный купол – подобный, только в виде щита в руках лже-Ждана, я уже видел, когда доставал из-под земли таинственный сверток. Незнакомые мне символы, похожие на германские руны, горели ярким оранжевым пламенем. Мой негибкий внутренний помощник сообщил, что изучается новый алфавит, но мне было не до служебных сообщений.

Сеть развернулась метров на пятьдесят и неслась по дорожке, уходившей прямо, расширяя ее до тех же пятидесяти метров. Видно было, как что-то пытается ее увести вправо, но она сопротивлялась, держала направление. Удалялась быстро, буквально несколько секунд, и она продвинулась почти на двести метров. И внезапно остановилась.

Из всей команды только я этим обеспокоился. Хилков на сеть внимания почти не обращал, создавая вариант местной системы залпового огня. Перед ним висели шесть искрящихся

шаров, сантиметров тридцати диаметром, напоминающих мне любимое заклинание – шаровую молнию. Шары располагались один за другим, и княжич как раз создавал седьмой, когда в сети появилась прореха. Сначала небольшая, метр на метр, она начала быстро расширяться.

Хилков улыбнулся, небрежно хлопнул в ладоши, и первый шар сорвался с места. Словно комета, со шлейфом из искр, он влетел в прореху и рванул. Сильно. Не будь у нас тятьевского купола, опять валяться мне на земле. А так только деревья поносило вокруг. А княжич не останавливался. Один за другим еще шесть шаров взорвались за сетью, было хорошо видно, как очистилась территория от деревьев, снега и вообще ото всего.

Судя по создаваемым заклинаниям, княжич с моим новым учителем Силой находился примерно на одном уровне, значит, как тут считают, третий круг? В хорошую компанию я попал.

Хилков тем временем ускорился и создавал один шар за другим, с промежутком не более секунды, зачищая и без того пустынную территорию. Сеть тем временем начала двигаться по краям, смыкая их где-то позади места взрывов. Обстрел прекратился, когда она наконец превратилась в большой вязаный чулок пятнадцати метров диаметром и высотой в пятьдесят. Впрочем, верхняя часть тут же образовала узел, не давая чему-то внутри нее вырваться наружу.

– Что там? – задал вертевшийся у меня на языке вопрос Тятьев.

– Не знаю, – Хилков даже не запыхался. Он лениво стряхивал снег с кафтана. – Но определенно что-то есть. Никуда не денется, ловчая сеть и не такое держала.

– Неплохая штука, – раздался голос сбоку. – А силенок-то хватит удержать?

Мы дружно повернулись.

В десяти метрах от нас, насмешливо улыбаясь, стоял невысокий мужчина средних лет, в аккуратном полушубке, толстых утепленных штанах и коротких сапожках с опушкой. Мощный лоб уходил лысиной вверх, клиновидная бородка под усами, скуластое лицо и прищур глаз мне кого-то напоминали. Да что там кого-то, я хоть пионером не был, но дедушку Ленина на картинках видел. Похож, не то чтобы одно лицо, но определенно что-то общее было.

– Хватит, – спокойно ответил Хилков. – Только надо ли?

– Нет, – лже-Ленин замахал всполохами перстней, унизывавших пальцы. – Там и нет ничего.

– Совсем?

– Да, – застенчиво кивнул мужчина. – Обманка, а то ходят лихие люди вроде вас, имущество портят. С чем пожаловали?

– Я – стольник колдовского приказа Жилинского княжества боярин Север Тятьев, это стольник того же приказа княжич Олег Хилков, – выступил вперед боярин. – С нами Марк Травин, из княжьей канцелярии подьячий. Здесь для инспекции деревеньки Полесной.

В отличие от Хилкова, Тятьев был явно напряжен.

– А, понятно. Так вам туда, – незнакомец махнул перстнями в обратную сторону. – Пройдете с километр, там и будет ваша деревенька. Только я бы вам туда ходить не советовал.

– Почему? – поинтересовался боярин.

– Место нехорошее, – незнакомец пожал плечами, скорчил забавную рожицу, отчего на лбу образовались разнонаправленные складки. – Говорят, люди там пропадают. Хотя я вижу, вы господа знатные, значит – одаренные, за себя постоять можете, так что идите, не бойтесь. А хотите, я вас провожу?

– Не откажемся, – Тятьев чуть поклонился. – А можно ли узнать, с кем нам довелось встретиться?

– Отчего же нет, – незнакомец поклонился в ответ. – Я – Феодор Игнатов, бывший лекарь, подданный Рязанского княжества, живу тут неподалеку в деревеньке Алексеевке служилых дворян Шиловских.

Я с сомнением покосился на перстни лекаря.

– Так мы сейчас на рязанской земле? – уточнил Тятьев.

– Точная граница неизвестна, – покачал головой Игнатов, – вот уже двести лет эти леса в общем владении, князья наши никак не решат, кому это все больше не нужно. Толку-то от глухоты этой никакой нет.

– Верно, – Хилков кивнул, – так что, идем?

Игнатов спокойно обошел нас, повернулся спиной и двинулся в нужном направлении. Как раз туда, откуда мы пришли. Судя по напряженным лицам стольников, в лекарское прошлое незнакомца они верить не собирались, ну и хорошо, пусть будут начеку.

Мы шли обратно, к поляне, но дорога существенно изменилась. Если раньше это был накатанный путь шириной в несколько метров, почти дорога, то теперь он превратился в узкую утоптанную тропу, на удивление прямую, словно не ее прокладывали в лесу, а деревья сажали вдоль уже готового пути, строго по линии. Монета меж тем исправно подавала сигнал, ее отбросило взрывом, но на эксплуатационные качества это не повлияло. И отметка сигнала была точно на том же месте, где мы монету оставили. Я попытался сказать это Хилкову, но тот остановил меня, подняв ладонь вверх и кивнув. Ладно, раз они в курсе, все идет по плану. Хороший у них план. Наверняка.

Бывший лекарь бодро шагал впереди, не оборачиваясь, спокойно подставляя спину под удар. Никаких защитных заклинаний на нем не было, так что Хилков, зажегший было еще один шар, загасил его и топал впереди нашей небольшой колонны.

Километр быстрым шагом – это десять минут. За это время я несколько раз мог бы бежать, и моя интуиция прямо-таки вопила, что это самый правильный поступок, но любопытство, которое столько кошек сгубило, видимо, и людьми не брезговало тоже. Ну еще и толика жадности – повозка-то моя как раз по ходу движения находилась. Поэтому вместе со всеми я вышел обратно к поляне.

Вот только поляны на этом месте не было. Точнее говоря, она была, но другая. Гораздо больше.

На свободном от леса пятне, размерами не меньше километра, раскинулось селение – обнесенное невысокой стеной, изрядно потрепанной, со сторожевыми башенками по бокам от кованых ворот. В бойницах были видны головы стражников – двое на правой башне и трое на левой глазели на пришлых.

– Ну вот и дошли, – Владимир Ильич Сусанин повернулся к нам, раскинул руки, – вот это и есть Полесная.

Я сверился с картой – вот только не было на ней ничего. Вообще – просто белое пятно. Подозрительно все это.

Видимо, те же самые мысли были и у Хилкова, он сжал кулаки, и возле них начало формироваться что-то уж очень убойное, грязно-зеленое. Взглядом он не выпускал Игнатова, даже загородил нас от него своей спиной. Я быстро наложил на себя защиту, какую смог, мало ли что, вдруг спасет.

А Тятьев достал кинжал, повертел его, глядя на провожатого, да и ударил Хилкова в бок, только лезвие сверкнуло за солнце. Казалось, клинок вошел в тело колдуна не меньше чем наполовину, полыхнул красным, княжич покачнулся и осел прямо в снег.

– Мог бы и раньше сделать, – недовольно проворчал наш новый знакомый. – А то утомился уже его щит сдерживать.

– Ты, дядюшка, вообще мог нас сюда не вести, – Тятьев повернулся ко мне, насмешливо поглядел на ствол дерринджера, направленного ему прямо в переносицу. – Марк, лучше даже не пробуй, может, и жив тогда останешься.

Я отступил на шаг, продолжая держать Тятьева на прицеле.

– Да брось ты его, – посоветовал Игнатьев, или кто он там. – Посмотри, что с Хилковым, что-то мне кажется, глаз у него дрогнул.

– Не должен, – Тятьев пнул носком сапожка валяющееся тело, – смотри, заклинания развеялись. Не придется больше этого зануду терпеть. А то ходил гоголем, почти третий круг, княжич. Тьфу. От проклятого оружия еще никто не спасался.

– Кинжал твой хорошо, если против четвертого круга сгодится, а тут третий. Проклятое оружие – для слабаков вроде вас, ты ж не в голову его ударил. Так что все же посмотри, – настойчиво попросил дядюшка.

– Ладно, – Тятьев осторожно поместил кинжал в чехол, продолжая держать его в руке, встал на одно колено перед княжичем, положил руку на лоб. – Дохлый, пад...

Договорить он не успел. Руки валяющегося на снегу Хилкова ударили Тятьева по ушам. Отличный прием, в фильмах про единоборства он часто обыгрывается, после него пострадавшая сторона крутит головой и падает на колени, тщетно пытаясь встать. Но у тех киношных бойцов не было того, что было у Хилкова – магии.

Я только краем глаза успел увидеть, как на приближающихся к ушам боярина ладонях формируется заклятие. Словно взрыв – из крохотного, сжатого до точки магического конструкта во все стороны ударили энергетические нити, и сразу же собрались в шипастую объемную фигуру с длинным острием. Которые, каждое со своей стороны, вошли точно в ушные раковины Тятьева. Удар был настолько стремителен, что даже с доступным мне замедлением я это еле разглядел. А вот стоящий в пяти шагах добрый дядюшка – успел дернуться и постарался скастовать защиту, но было поздно, ему не хватило какой-то тысячной доли секунды, длинные шипы уже проникли в голову боярина, когда вокруг его головы замерцал щит.

Тятьев тоже что-то такое успел увидеть и попытался защититься, но рука его словно приросла ко лбу княжича. Поняв это, он в последний момент ударил в ответ, выронив кинжал, сформировавшийся заряд бессильно стек по лицу Хилкова. А потом боярин умер. Сразу, без криков и судорог, голова лопнула и разлетелась на части, на меня попали какие-то ошметки, наверное – мозг столбника, левое ухо так точно отлетело в дядюшку, но сторело в защите.

Обезглавленное тело, и без того стоящее на одном колене, покачнулось, опустилось на второе, а потом мягко повалилось на снег, щедро орошая алой кровью белоснежное покрывало поляны. Плавно, как в замедленной съемке.

Хилков тем временем вскочил на ноги, развел руки в стороны, и отовсюду к нему потянулись оранжевые линии бору. Такое я видел впервые – чтобы маг оперировал не внутренней силой, а внешними потоками. Что-то всплыло в памяти из пространных объяснений ан Трага о псионах и их рангах, пафосные такие названия – Видящие линии, Усмиряющие силу, и венчающие этот магический Олимп – Повелители потоков, маги, способные подчинять себе окружающий магический фон, не только отдавать энергию и притягивать ее к себе, но еще и новые потоки создавать каким-то образом. Этот вроде как к Усмиряющим был ближе.

– Силен, – усмехнулся «дядюшка». И начал делать то же самое.

Глава 7

Два колдуна стояли друг напротив друга, напряженно следя за движениями противника. Хотя их и не было особо, движений этих. Отзеркаленная поза – расставленные на ширину плеч ноги, чуть согнутые в коленях, разведенные в стороны руки ладонями вперед, чуть согнутые в локтях. Большие пальцы вытянуты вперед, к противнику. Со сторон выглядело забавно, словно две фигурки из какой-то компьютерной игры.

– Княжич Хилков, Олег Сергеевич, – насмешливо проговорил наш провожатый. – Надо же, боярин знатного смоленского рода, и всего лишь стольник в каком-то занюханном приказе, в мелком удельном княжестве. Зачем же ты, Олег Сергеев сын, моего племянника порешил? Он ведь и тебе родня, хоть и дальняя. Сволочь он был, конечно, но кто не без греха.

– Полагаю, княжич Тятьев? – Хилков чуть пошевелился, переминаясь с ноги на ногу. – Давно хотел эту гниду раздавить, но не при таких обстоятельствах. Да и тебя заодно.

Я потихоньку отходил от этой стремной парочки к стенам деревеньки – от тех зрителей, что на башнях глазуют, я отобьюсь. Думаю, что сначала от стражников на правой – там всего двое, захватить ее не составит труда. А потом и за другую примусь.

– Вот это правильно, Марк, – оценил мои телодвижения Тятьев-старший. – Нечего тебе во взрослые игры лезть. Иди вон в деревню, за ворота, на башню тебя пропустят, если хочешь, только ребят моих не трогай, не то чтобы они мне дороги, но сам знаешь, после Большой войны, Чумы и прочих катаклизмов люди на вес золота. А мы тут разберемся, кто чего стоит, да, дорогой родственничек?

Ну что за мир такой, куда ни плюнь, одни родственники кругом, словно в бразильский сериал попал. Ладно, пусть себе занимаются братоубийственными игрищами, а мне во все это и вправду лезть сейчас не с руки, да и не по силам. Быстро добежал до ворот, где меня ждала распахнутая калитка, по винтовой лестнице забрался на третий этаж невысокой башенки. Два стражника с ружьями ослабли при виде меня, пододвинулись, пропуская поближе к бойнице, еще бы кресло сюда, и вообще, как в театральной ложе бы сидел.

Представление внизу потихоньку наращивало темп. Синхронными взмахами колдуны очертили вокруг предстоящего места разборок квадрат, словно бойцовый ринг, только вместо канатов шли оранжевые линии бору. Так и представил, как они отходят в разные стороны, кладут руки на канаты, натягивая их, и с помощью импульса бегут друг другу навстречу, пытаясь сбить соперника с ног. Словно рестлеры. Голдберг и Каин, других почти не помню, разве что Рока, но тот лысый был, а эти двое – нет.

Тщедушная фигурка Хилкова если и походила на Каина, то только ростом, а уж дядюшка Тятьев на Голдберга не тянул вообще. Поэтому они не стали бить себя в грудь, выкрикивая всякие обидные слова, а ударили. Мощно, определенно собираясь покончить с противником первым ударом.

Два конструкта столкнулись прямо посередине поля битвы – аморфные образования, явно одной природы, от каждого тянулся к хозяину толстый оранжевый жгут. Конструкты сцепились в единое целое, искрясь, выстреливая в разные стороны плазмой, одна такая в виде небольшого шара летела мне прямо в лицо, я отшатнулся, но щит из заклинаний окутал башню, заставляя заряд уйти в землю.

Стражники поначалу лениво переговаривались – с их точки зрения два человека стояли на снегу и пялились друг на друга выпученными глазами, ну еще руками чуть шевелили. И только когда электрические шары начали в разные стороны разлетаться, а башня содрогнулась от удара, они попятнулись и скатились вниз по лестнице, оставив меня одного.

Внизу события развивались стремительно. Так и не одолев друг друга, два облака заклинаний взорвались с оглушительным грохотом, между противниками по снегу пошла трещина.

Деревья на краю поляны повалило, самые ближние – просто снесло, словно пушинки огромные стволы отлетали вместе с корнями. Снег поднялся вверх, обнажая землю, и тут же испарился. Земля под ногами колдунов покраснела, спеклась от сильного жара, потрескалась, кое-где потекла.

Хилков упал на одно колено и ударил ладонью прямо по расплавленной лужице. От удара волна пошла прямо в сторону Тятьева-старшего. Вначале едва возвышающаяся над поверхностью, уже через несколько метров она была высотой с человеческий рост, а когда достигла противника – никак не меньше пяти метров. Крохотная на ее фоне фигурка лже-лекаря смотрелась незначительно, казалось, волна сметет его и не заметит.

Но не тут-то было, повинуясь небрежному движению ладони, огромный ком замер на месте. Княжич Тятьев лениво протянул руки к земляной массе, воткнул пальцы в месиво, оранжевые искры потоком заструились, покрывая массу плотным покрывалом. Хилков тем временем сформировал вокруг себя щит – намного плотнее того, что я видел на поляне у Белосельского, и, тяжело дыша, вытирал пот со лба. На другой его руке сформировалась знакомая мне шаровая молния, выросла до размеров баскетбольного мяча, оторвалась от ладони и присоединилась к десятку других таких же, выстроившихся прямо над головой столбика и медленно там кружащихся.

Земляная масса тем временем начала превращаться в нечто звероподобное. Оскаленная пасть, шипы на узкой спине, мощные лапы с горящими лавой когтями. В разные стороны выстрелили крылья, земляной дракон подпрыгнул, приземлился на обе ноги, потоптался, потом снова прыгнул, уже сильнее, поднялся в воздух, завис перед создателем.

Тот щелкнул пальцами, дракон повернул голову в сторону Хилкова и как-то с ленцой, медленно набирая скорость, полетел. Крыльями при этом он почти не шевелил.

Хилков развел руки чуть в стороны, и шаровые молнии, сверкнув, оказались возле дракона. От них к летающему существу протянулись искрящиеся зеленым жгуты, каждое такое попадание оставляло на теле дракона выбоины, которые вскоре превратились в зияющие отверстия. Немногим более десятка секунд потребовалось, чтобы от земляного чудовища осталась в буквальном смысле кучка земли. Впрочем, от шаровых молний тоже ничего не осталось.

– Эффектно, – решил разбавить пафос события Тятьев-старший, отряхивая руки. – Но это не второй круг. Кто тебя учил, уж не наш ли дражайший Емельян Порфирьевич?

– Ага, он, – тяжело дыша, кивнул Хилков.

– Старая школа, – одобрительно покивал местный княжич. – Но слегка устаревшая, так сказать, а ведь прогресс на месте не стоит, люди все время что-то новое придумывают. Да и силенок у тебя маловато, хотя твердый третий круг, тут врать не буду. А что ты скажешь на это?

Он словно стряхнул воду с кончиков пальцев, и в сторону Хилкова помчались десять шариков. Крошечные, меньше мелкой монетки, они казались совсем безобидными, но я-то видел – в каждом из них больше энергии, чем во всех применявшихся конструктах, вместе взятых. Словно черные дыры. Действительно черные цветом, они поглощали все вокруг – и брошенные навстречу Хилковым молнии, и линии барьера, и защитное плетение купола. Хилков окутал себя пеленой заклинаний, плотной, не хватало только высоковольтного гудения, шарики закружились вокруг, снимая слой за слоем. Колдовской сотник уже не атаковал – он едва успевал ставить одну защиту за другой, целиком сконцентрировавшись на этих шариках и на тех повреждениях, которые они делали.

Княжич Тятьев подошел поближе, остановился метрах в двух от Хилкова и, наклонив голову, наблюдал, как его творения рвут на части выставленные щиты. В этот момент я очень порадовался, что не нахожусь там, внизу, моя защита и секунды бы не выстояла.

– Жаль, такой талант пропадает, и это в то время, когда каждый колдун на счету, – Тятьев-старший выставил вперед руку ладонью вверх, над ней появился такой же шарик, только побольше. – Но, как говорят мои имперские друзья, сик транзит глория принцепс.

И он другой рукой подтолкнул последний шарик, выросший до размеров теннисного мячика.

Шар, наплевав на защиту, вошел в грудь Хилкова и вышел с обратной стороны, завис, собирая своих меньших братцев, и, вернувшись к хозяину, втянулся обратно в ладонь.

Тело Хилкова теперь уже окончательно упало на землю, защитные щиты исчезли. Однако его противник решил не рисковать – огненный поток испепелил столбника, а порыв ветра разметал прах по обожженной земле.

– Ну вот и все, – Тягьев-старший повернулся и смотрел прямо на меня, с расстояния в сто метров мне было слышно каждое тихо сказанное слово. – Все кончено. Надеюсь, Марк, ты не станешь делать глупостей?

Я даже не успел ответить. Видимо, вопрос был риторический – из стен ко мне метнулись жгуты силовых линий, опутали с ног до головы. Внутренний голос бубнил о попытках вмешательства в работу модуля и успешно отраженных атаках, обещал что-то сделать, но что – я не узнал. Снова, вот уже третий раз за неполные двое суток, свалился в спасительный обморок. Как барышня кисейная прямо, если так и дальше пойдет, привыкну.

Меня разбудил звук капающей воды. Не монотонный, как обычно, а с паузами, причем разной длительности. И это реально бесило, хотелось упорядоченности. Открыл глаза, вокруг царил полумрак, бледный желтоватый свет исходил от стен просторного помещения с высоким потолком. И от потолка, кстати, тоже. И от пола, на котором я лежал. А вот окон в комнате не было, как и мебели, и дверей, сплошная подсветка.

На удивление, чувствовал себя отлично, ничего не болело, никакой замутненности сознания не ощущалось. Я отлично помнил все, что происходило, по моим меркам, почти только что. Однако, судя по внутренним часам, которые исправно отсчитывали время, половину дня я пропустил, было уже около восьми вечера. Ну да, так и есть, утром мы выехали, часам к десяти были на месте, гуляли туда-сюда по морозцу, играли в черные снежки, а потом восьмичасовой здоровый сон, если не считать неудачных попыток вторжения в мое многострадальное сознание, вот как медом намазано оно, все кому не лень пытаются в нем покопаться.

Поднялся на ноги, попрыгал для порядка, якобы разгоняя кровь, поприседал, руками помахал, огляделся.

Истинные габариты комнаты терялись из-за неясности границы между поверхностями. Свет от них шел не сплошняком, а пятнами, где-то ярче, а где-то вообще ничего. Подошел к ближней стене, отсчитал до другой десять шагов. Перпендикулярное измерение было таким же, значит, где-то восемь на восемь метров. Подпрыгнул, с третьего раза достал до потолка. И метра четыре в высоту. Хоромы.

– Нагулялся? – послышался голос из угла, я аж вздрогнул.

Пригляделся, на фоне неравномерной подсветки было заметно какое-то темное образование. Судя по голосу – женское.

– Ну чего уставился? – продолжал голос. – Заняться нечем? Попрыгай еще, хорошо получается.

Отвечать не стал. И так понятно, такая же жертва произвола, как и я. Без еды и воды обычный человек может прожить несколько дней, а я, думаю, с месяц протяну. Так что особой надобности в выяснении местных тюремных обычаев у меня не было, а поощрять вот такую манеру разговора не хотелось. Отвернулся, прошелся вдоль противоположной от незнакомки стены, осматривая стену.

– Эй, я тебя спросила, – не унималась молодая, судя по голосу, девушка. Хотя с магией возраст – понятие растяжимое. – Где только таких воспитывают невеж.

Следующие десять минут незнакомка, не дождавшись ответа, молчала, я за это время исследовал комнату вдоль и поперек, держась, впрочем, подальше от оккупированного ею угла – а то, стоило мне подойти поближе, она нервно сопела.

Каменные стены не реагировали на попытку воздействия никак. И вообще, что-то псионить сегодня не получалось, наверное, день не тот или место поганое, любой конструкт моментально развеивался. Вот внутри организма – пожалуйста, и сканирование, и лечение, все работало, а на что-то внешнее хозяином каземата было наложено табу. Даже светляка не смог зажечь. Поэтому просто пощупал камень, везде одинаковый, с аккуратными тонкими швами между тесаными блоками. Оставалось только подождать, когда явятся тюремщики, чтобы определить, какие из швов – фальшивые.

– Что, не получается? – на одну из моих попыток помагичить ехидно отреагировала сокамерница.

Не получив ответа, замолчала еще на несколько минут. Я успел лечь на пол и даже почти задремать, как снова раздался этот голосок:

– Так и будем молчать?

Сел, скрестив ноги, помахал рукой.

– Привет, я Марк Травин. А ты?

– И что ты здесь делаешь, Марк Травин?

Поднялся, несмотря на протестующий бубнеж, пошел знакомиться.

В углу сидела чумазая, насколько можно было рассмотреть в рассеянном свете, девчушка, совсем юная еще. Может, лет пятнадцати, или чуть старше. Когда сел рядом с ней, отодвинулась, недовольно зыркнула огромными глазницами.

– Послушай, – сказал я, – догадываюсь, что мы тут в плену. Ты знаешь, у кого?

Девушка знала. И про Тятьева-старшего, которому ее дедушка оторвет причиндалы, сожжет и развеет по ветру, и про эту деревеньку, и про красную пыль. Вот тут я заинтересовался.

– Ты чего, не знаешь, что это такое? – искренне удивилась она.

Я пересказал ей то, что знал.

– Ну да, вот только в колдунах она тоже растет, даже лучше. Споры внести должен другой колдун, посильнее, – обрадовала меня безымянная девушка. И добавила грустно: – Так что мы скоро умрем.

– Ты-то как здесь оказалась?

А оказалась девчушка тут совершенно случайно. Туманно, нагородив всяких ненужных и совершенно неинформативных подробностей, поведала, что возвращалась от родственников из удельного княжества Лискова. По каким-то причинам порталом она воспользоваться не захотела, отправилась по накатанной зимней дороге, и вместе с охраной, прислугой и повозками вот угодила сюда.

Получается, соседка у меня знатная, как бы не княжеских кровей. Лисковое княжество, как подсказал мне атлас, давно уже зафиксированный в памяти, было уделом князей Горянских и входило в Великое княжество Рязанское.

– И где они, твои стражники? Ну и прислуга с повозками?

– Не знаю, – девчушка наконец всхлипнула. И как только держалась. – Меня сюда сразу бросили, пятый день уже идет. Хорошо, что ты появился, – совершенно нелогично продолжила она, – а то я бы тут от тоски повесилась. Мне страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.